

LIETUVIŲ KALBOTYROS KLAUSIMAI, XXX (1993)
PERIFERINĖS LIETUVIŲ KALBOS TARMĖS

Iš archyvo

Ф. ФОРТУНАТОВ

**ОБ УДАРЕНИИ И ДОЛГОТЕ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ
II. ДОЛГОТА В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Publikuojama iš Rusijos mokslų akademijos Sankt Peterburgo skyriaus archyvo
(фонд 90, оп. 1, ед. хр. 22). Spaudai parengė O. Poliakovas.*

В латышском языке в долгих гласных, в дифтонгах и в дифтонгических сочетаниях краткой слоговой гласной с последующею сонорною согласною¹ существует известное различие в качестве долготы гласной, дифтонга и дифтонгического сочетания. С наибольшою полнотою эти различия являются при положении таких звуков и звуковых сочетаний под ударением, которое в латышском языке падает, как известно, на корневой слог, т.е. на первый слог слов простых, и только в этом положении, под латышским ударением, качество латышской долготы основывается на известных различиях в видах литовско-латышской долготы, хотя при этом в латышских словах, полученных односложными, качество долготы определяется частью, как мы увидим далее, также и позднейшим влиянием самого ударения. В положении без ударения долгие гласные, дифтонги и дифтонгические сочетания в латышском языке нам представляют один и тот же вид долготы, или же, в диалектах, где существуют различия в качестве долготы, также и при положении без ударения, эти различия имеют новое происхождение и не зависят от различий в видах литовско-латышской долготы. На севере латышской области, в Руенском приходе (Rūjene), по сообщению г. Вельма, старые долгие гласные в положении без ударения сократились, и точно так же из дифтонгов ё и ѹ без ударения в том же диалекте получились *i* и *u* краткие.

По определению Розенбергера², Бюттнера³, Баара⁴, Биленштейна⁵, Бревземниакса (Трейланда)⁶, в латышских долгих гласных, дифтонгах и

¹ Для краткости я называю далее эти сочетания просто дифтонгическими сочетаниями.

² Formenlehre der lettischen Sprache. 1830 // Magazin herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft; Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung. 1848 // Там же. IX. Zweites Stück.

³ Untersuchungen über die lettischen Sprachlaute. 1848 // Там же. IX. Erstes Stück (1847). С. 1 и след.

⁴ Ueber die in der lettischen Sprache vorkommenden Laute und deren einfache Bezeichnung durch die Schrift. 1847 // Там же. С. 21 и след.

⁵ Die lettische Sprache. 1863-1864.

⁶ Сборник антропологических и этнографических статей, издаваемый Дацковым. Книга II

дифтонгических сочетаниях различаются два оттенка в произношении, два тона, два вида долготы, точно также, как и в латышско-немецком словаре Ульмана обозначено (именно в положении под ударением) различие двух видов латышских долгих гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний. Наиболее точно определены были эти два вида долготы Бааром и затем Биленштейном, который, впрочем, во взгляде на некоторые из относящихся сюда явлений расходился с Бааром, хотя едва ли с достаточным основанием Баар различает в этих латышских звуках и звуковых сочетаниях именно следующие "оттенки в произношении" ("Nüancen in der Aussprache"): 1) "gedehnte Länge" и 2) "gestossene Länge"; у Биленштейна соответствуют: 1) "gedehnter Ton" и 2) "gestossener Ton". Термин "gedehnt" у Баара и у Биленштейна имеет здесь значение "без перерыва", и, напр., относительно долготы гласных с этой долготою Баар говорит так: "Die gedehnten werden lang, ohne dass die Stimme während des Lautens unterbrochen würde, gleichsam in einem Zuge ausgesprochen"; в этом же смысле и я называю латышскую долготу "длительной", т.е. "непрерывистой", долготою. Под "gestossene Länge" отдельных гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний Баар понимал то именно произношение, при котором в слоговой долгой гласной и в некраткой неслоговой части дифтонга или дифтонгического сочетания голос прерывается, "freilich wenig bemerkbar", и затем опять звучит очень краткое время, "so dass gewissermassen ein schwacher Hiatus entsteht"; "es lässt sich diese Nüance schwer beschreiben", — говорит Баар, — "sondern man muss sie aus dem Munde des Letten selbst hören". Эту латышскую долготу я называю "прерывистою" долготою, и при том — именно долготою с полным перерывом (в отличие от другой "прерывистой" долготы); полный перерыв голоса образуется полным замыканием голосовой щели (см. "Stosston" у Сиверса). Биленштейн определяет эту долготу, этот тон в отдельных долгих гласных приблизительно так же, как и Баар: "... der Ictus hebt das erste Element vor dem zweiten nachdrücklich heraus und lässt das vom ersten gewissermassen abgesprochene, gewissermassen durch ein freilich unendlich kleines Vacuum vom ersten getrennte zweite Element leicht und kurz nachhallen"; но во взгляде на "gestossene" дифтонги и дифтонгические сочетания в латышском языке Биленштейн расходится с Бааром. По Баару, полный перерыв ("Stoss" у Сиверса) является в некраткой неслоговой части таких дифтонгов и дифтонгических сочетаний (а в кратких дифтонгах, замечает Баар, вторая, т.е. неслоговая, гласная вообще имеет большее количество сравнительно с первой, т.е. слоговой, гласной), поэтому, напр., "gestossene" ai, au, ar, al определяется у Баара как aiⁱ, au^u, ar^r, al^l⁷, между тем как Биленштейн думает, что полный перерыв существует между составными частями дифтонга или дифтонгического сочетания. Определение, данное Бааром для

(латышские народные песни). 1873; Материалы по этнографии латышского племени. 1881 // Труды этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книга VI.

⁷ В статье Баара вместо l^l везде опечатка l^e. У Биленштейна там, где он передаёт мнение Баара, вместо l^l, m^m напечатано: l'l, m'm (Die lett. Sprache I, 48 принт.).

латышских дифтонгов и дифтонгических сочетаний с полным перерывом, без сомнения верно, хотя мне кажется, что в таких латышских дифтонгах на *i* и *u* полный перерыв образуется тогда, когда *i* и *u* ещё не начинают звучать, между тем как орган речи тут занимает то положение, какое требуется для образования *i* или *u*⁸; поэтому, напр., латышские "gestossene" *ai* и *au* звучат так, что полный перерыв, действительно, слышился между составными частями дифтонга (где слышал его Биленштейн), но в латышских дифтонгических сочетаниях с полным перерывом этот перерыв и на слух является самой сонорной согласности, т.е. после того, как прозвучит часть этой согласной. Что касается дифтонгов *ē* и *ū* (*ia*, *ua*) с полным перерывом, то я не могу определить точно, где именно слышится в них перерыв; по-видимому, они однородны в этом отношении с дифтонгами на *i* и *u*, имеющими полный перерыв. Некоторое различие между определениями Баара и Биленштейна является также по отношению к латышским "длительным" (с "длительною" долготою) дифтонгам. Баар передаёт, напр., длительные *ai*, *au*, *ū* написаниями *ai*, *aī*, *uā*, т.е. с обозначением долготы неслоговой части дифтонга точно также, как "длительные" дифтонгические сочетания *ar*, *em* и др. он обозначает как *aī*, *em* и др. По мнению Биленштейна, латышские "длительные" дифтонги могут быть обозначены как *āi*, *āū*, *āa* и т.д.: "der Ton liegt zwischen oder auf beiden Elementen in der Mitte, so dass also keines von beiden Elementen vor dem andern vorwaltet"; но "длительные" дифтонгические сочетания Биленштейн определяет как *att*, *ettm* и т.д. и замечает, что сонорные согласные слышатся здесь "как бы удвоенно". Баар, без сомнения, прав: в латышских "длительных" дифтонгах неслоговая часть имеет большее количество сравнительно со слоговою частью того же дифтонга, хотя (что не отмечено у Баара) неслоговая гласная "длительного" дифтонга всё-таки, мне кажется, несколько короче, чем сонорная согласная в "длительных" дифтонгических сочетаниях. Длительность и полный перерыв латышских дифтонгических сочетаний существуют, по определению Баара, лишь при положении сочетаний "краткая гласная + сонорная согласная" перед согласной; также и Биленштейн различает два тона в латышских сочетаниях "краткая гласная + сонорная согласная", где положение именно перед согласной, и при том только под ударением. По-видимому, и Баар знает дифтонгические сочетания с длительною долготою и с полным перерывом только под ударением; он не даёт примеров для тех и других дифтонгических сочетаний в положении без ударения, тогда как в долгих гласных и в дифтонгах Баар различает два вида долготы, между прочим, и в положении без ударения (см. у меня далее). Биленштейн также говорит, что в латышских долгих гласных и дифтонгах различие двух тонов существует независимо от ударения, хотя под ударением выступает яснее; впрочем, в латышских словах и суффиксах, рассматриваемых в "Die lettische Sprache", Биленштейн везде отмечает полный перерыв ("gestossener Ton") в долгих гласных и дифтонгах без ударения, а некоторые параллельные

⁸ Сравн. однородные явления в датском языке при полном перерыве; см. Jespersen. The articulations of speech sounds. P. 45.

образования с длительной долготой в таком положении приведены здесь как диалектические (диалектные – О. П.), именно из диалекта Баара. Относительно долгих сонорных согласных Баар замечает, что в известных случаях они существуют также и перед гласной, именно в заимствованиях из немецкого языка, напр., в *kaņa*, *vaņa*, *buļis* и др., а кроме того, *l* перед гласной является в таких диалектических (диалектных – О. П.) образованиях, как *viļa*, *riļa*, где *l* из группы *ln* сокращается в диалектах (*viļna*, *riļna*). При этом, однако, Баар не определяет, как делятся такие сочетания звуков на слоги (в экспираторном отношении), и отделяет эти случаи от тех, в которых он находит "длительную" долготу целого сочетания "краткая гласная + сонорная согласная". По-видимому, впрочем, напр., *viļa* звучит как *viļ'a*, т.е. и здесь является "длительное" дифтонгическое сочетание перед согласной, хотя бы иррационально (как переходным звуком к следующей гласной). Биленштейн пишет в этих случаях удвоенную сонорную согласную, напр., *villa*.

С определением двух видов долготы, двух тонов в латышском языке у Баара и Биленштейна сходятся и краткие определения, данные Бризвемниаксом. В предисловии к сборнику латышских народных песен, 1873 г., Бризвемниакс указывает на то, что долгие гласные и дифтонги в латышском языке имеют "два оттенка", а именно являются растяжимыми ("gedehnt"), или "прерывающимися" ("gestossen"); в растяжимых "звук голоса во время произношения не прерывается", а при произношении прерывающихся "голос задерживается, но потом снова весьма коротко договаривается". Впоследствии, в предисловии к сборнику латышских пословиц, загадок, наговоров и заклинаний, 1881 г., Бризвемниакс назвал одни из этих долгих гласных и дифтонгов "длительными", а другие "прерывистыми" (по моей терминологии) и заметил, что с дифтонгами однородно в латышском языке по отношению к такому различию также и сочетание краткой гласной с последующей сонорной согласной перед согласной. Длительные дифтонги обозначаются у Бризвемниакса в сборнике 1881 г. написаниями *āl*, *āi*, *č̄* и т.д., между тем как длительные дифтонгические сочетания пишутся здесь так: *āl*, *āi* и т.д.; отсюда видно, что и Бризвемниакс находит различие в количестве между неслоговой гласной длительного дифтонга и сонорной согласной длительного дифтонгического сочетания (см. выше). Относительно таких случаев у Бризвемниакса, как *brīše* и др., сравн. сказанное мною по поводу, напр., *buļis*, *viļa* у Баара.

Первым, указавшим на существование в латышском языке двух "тонов", был Розенбергер. В "Formenlehre der lettischen Sprache", 1830 г. Розенбергер различил два "вида ударения" ("Art der Betonung"), два "тона" ("Töne") под ударением в латышских долгих гласных, дифтонгах и сочетаниях краткой гласной с последующей сонорной согласной⁹ (между прочим, и перед гласной); один из этих тонов он называл "gehalten", в скобках "gezogen", другой – "gestossen".

⁹ У Розенбергера эти согласные не определяются как плавные или носовые, но примеры, приведенные им, показывают, что он имел в виду именно сочетания краткой гласной с последующей плавной или носовой согласной.

Впоследствии, в "Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung", 1848 г., Розенбергер снова говорил о двух латышских тонах, причём термин "gehalten" признал неправильным и заменил термином "gezogen". Различие между этими тонами он определяет так: "Ein allgemeines Merkmal ist, dass der gestossene Ton sogleich im Anfange seines Hervortretens seine ganze Kraft wie in einem Punkte concentrirt, daher abbricht und die Elemente der Sylbe, die in den Bereich des Tones kommen, einen Augenblick, sey's auch der kürzeste, frei lässt, bevor sie dem folgendem Laute sich anschliessen, während dagegen der gezogene allnächlich beginnend und stetig anschwellend die von ihm beherrschten Elemente der Sylbe bis zum folgenden Laute fortwährend begleitet". Отсюда видно, что Розенбергер различает в латышском языке те же два вида долготы, те же два тона (и при том именно под ударением), о которых говорили потом Баар, Биленштейн и другие; термину "gezogen" у Розенбергера соответствует "gedehnt" у Баара и Биленштейна. В немецком языке, т.е. в немецком языке латышского края, Розенбергер находит только "прерывистый" ("gestosser") тон, но при этом верно указывает на то, что в латышских словах, заимствованных из немецкого языка, является "gezogener Ton". Относительно латышских сочетаний "краткая гласная + сонорная согласная" надо заметить, что Розенбергер отличает в них "прерывистый" тон от того тона, который он назвал "gezogen", между прочим, и при положении сонорной согласной перед гласною; в числе примеров для прерывистого тона в этих сочетаниях он приводит не только *salt*, *vels* "будет катать", *irt* "грести" (т.е. *sajt*, *veis*, *irt*), но также *ifu*, т.е. *ifu* "гребу", *melli* т.е. *meli* "лгунь" (мн.ч.). Вероятно, Розенбергер пришёл к ошибочному взгляду на существование "прерывистого" тона в таких случаях, как *ifu*, *meli*, под влиянием того, что другой тон, "gezogener", известен был ему, между прочим, и при положении сонорный согласный перед гласною, напр., в приводимом им *zeļi*, т.е. *zeļi* (основа *zelis*) "Gesell"; сравни. сказанное мною выше относительно *kaņa*, *buļis*, *brīfe* и т.д.

Два рода долгих гласных и дифтонгов и два рода кратких гласных перед плавною или носовою согласною различают в латышском языке Бюттнер в той статье, написанной в 1842 г., которая помещена в первой книжке IX-го тома "Магазина Латышского литературного общества", непосредственно перед статьёю Баара (1847 г.). В латышских долгих гласных и в дифтонгах в одних случаях является, по определению Бюттнера, "gedehnter Laut", в другом — "accentuirter Laut", но в чём именно состоит различие между теми и другими звуками, Бюттнер не поясняет. Примеры дал для тех и других звуков в первом слоге слов, но, кроме того, и относительно окончания местои. пад. ед.ч. он замечает, что здесь *всегда* является "accentuirter Laut". Из примеров у Бюттнера видно, что с его термином "gedehnt" вполне совпадает "gedehnt" у Баара и Биленштейна; "accentuirter Laut" в примерах у Бюттнера соответствует долготе (или "тону") с полным перерывом, "gestosser" у Баара и Биленштейна (в окончании местои. пад. ед. ч. этот "тон" у Биленштейна, между тем как Баар знает здесь длительную долготу, как мы увидим далее). В латышских кратких гласных в их сочетании с

последующую сонорною согласною у Бюттнера различаются (в первом слоге слов): "kurzer Laut", напр., в *irbe*, *kals*, *kurt*, *lemt*, *willa* "шерсть", *kanna*, т.е. там, где существует длительная долгота, и "accentuierter kurzer Laut" (за сонорною согласною везде в этих случаях следует согласная), напр., в *tirpt*, *tumsch*, *urbt*, *wili* (т.е. *wilfi*), следовательно там, где, напр., Баар и Биленштейн находят полный перерыв в дифтонгическом сочетании. От этих четырёх видов гласных (двух долгих и двух кратких с последующей сонорной согласной) Бюттнер отличает ещё пятый вид, который он назвал "einfacher Laut"; сюда он относит отдельные краткие гласные, напр., в *liks*, *klupt*, *ballēt* (т.е. *balēt*), *Wille* (т.е. *Vile*), но странно то, что в числе примеров для "einfacher Laut" приведены им также слова: *starkis* (т.е. *starķis*)¹⁰ и *burwis* с дифтонгическими сочетаниями (для *burwis*, т.е. *burvis* он имел в виду произношение *buris*, существующее в говорах?).

Различие между длительной долготою и долготою с полным перерывом в первом корневом слоге слов существует во всех известных нам курляндских говорах латышского языка (т.е. во всех тех, где были произведены соответствующие наблюдения), при чём это различие сохраняется и при употреблении данного слова или произведенного от него во второй части сложных слов, т.е. в положении без главного ударения: сравн., напр., *sasaīt* (*saīt*), *samaīt* (*maīt*), *atbraūkt* (*braūkt*), *atnākt* (*nākt*), *parkāpt* (*kāpt*), *parlūkūt* (*lūkūt*), *pēnapūds* (*pūds*), *sānkaūls* (*kaūls*), *pagaīve* (сравн. *gaīva*), *pabērze* (сравн. *bērzs*) и др. Затем сопоставление материала, собранного Биленштейном, Ульманом, Бриземниаком, а также в отдельных примерах Розенбергером, Бюттнером и Бааром, показывает, что по отношению к различию обоих этих видов долгот в корневом слоге слов между отдельными курляндскими говорами нет таких различий, которые возникли бы фонетически в отдельном существовании этих говоров; по большей части показания различных говоров относительно вида долготы в корневом слоге данного слова сходятся между собою¹¹, а в более или менее единичных случаях, в которых одни говоры имеют в корневом слоге данного слова длительную долготу, а другие — долготы с полным перерывом представляют собою в их происхождении, по крайней мере по большой части (за исключением случаев влияния аналогии одних образований на другие) различия старые, объясняющиеся из известных различий, существовавших в таких словах в общелатышском языке и в этом более древние. К таким случаям принадлежат, напр., *beīzs*, *bērzs* в части курляндских говоров при *bērzs* в других курляндских говорах, *vaīpa* при *vārpa*, *siīgt* при *sīgt*, *siīms* при *sīrms*, *kuīpe* при *kuīpe*, *sveīks* при *sveiķs*, *traūkt* при *traūkt*, *dzīt* при *dzīt* и др.

¹⁰ В словаре Ульмана: "Stahrkis, ein Fisch (bei Libau soll der Name zu hören sein)".

¹¹ Надо, впрочем, иметь в виду, что Биленштейн и Ульман (согласно с Розенбергером) пишут в первом слоге слова дифтонги *ai*, *ei*, *ui* (обыкновенно с полным перерывом) в положении перед *j* с последующей гласной, между тем как другие курляндские говоры (напр., у Баара, у Бриземниакса), а также говоры Лифляндии сохраняют в этих случаях старую краткую гласную перед *j*, напр., в соответствии с *wāijaga*, *léija*, *saúja* у Биленштейна, где знают полный перерыв, *wājaga* и т.д., у Ульмана в других курляндских говорах *vajaga*, *leja*, *sauja*.

Что же касается непервых слогов слова (не корневого слога), то, по употреблению в них длительной долготы и долготы с полным перерывом, между курляндскими говорами являются известные различия, образовавшиеся фонетически в отдельном существовании латышского языка (сравни ниже). В тех курляндских говорах, которые непосредственно были известны Биленштейну и к которым принадлежит также говор латышских текстов, изданных Бризвемниаксом, слова, не заимствованные латышским языком, не имеют длительной долготы в непервом слоге, т.е. представляют в этих случаях лишь долготу с полным перерывом, кроме экспираторно-нисходящей в тех дифтонгических сочетаниях и диалектических (диалектных – О. П.) дифтонгах на краткие *i* и *u*, о которых я говорил выше; только в словах, заимствованных латышским языком, можно встретить в этих курляндских говорах длительную долготу в непервом слоге, напр., в таких словах у Биленштейна, как *siktērs* "Secretär", *brankūzis* провинц. "Brankhaus" (Branntweinsbrennerei); заимствованные латышским языком из нижненемецкого наречия, с "-hus" в конце и др. Но в говорах североизвестной Курляндии, между прочим, в говоре Баара, и слова незаимствованные имеют в непервом слоге длительную долготу при известных условиях, т.е. эти говоры представляют в непервом слоге слов в одних случаях долготу с полным перерывом, в других – длительную, так что, напр., у Биленштейна и у Бризвемниакса мы находим только долготу с полным перерывом. Длительная долгота в непервом слоге слов в северо-западных говорах Курляндии является фонетически именно при положении долгой гласной или дифтонга перед *j*, между прочим, и там, где *j* затем фонетически исчез, а также перед сонорными согласными, т.е. перед носовыми и плавными. Таким образом, в этих курляндских говорах мы находим в непервом слоге длительную долготу в соответствии с долготою, имеющей полный перерыв, напр., в говорах Биленштейна и Бризвемниакса, в следующих случаях.

Перед *j*:

- 1) В окончаниях местн. пад. ед. ч., где некогда существовал в конце формы *j*, за которым следовала краткая гласная, напр.: *dažā*, *istabā*, *bedrē*, *piršī*, *tičgū*. Но при положении в первом слоге долгая гласная в однородных по происхождению образованиях представляет долготу с полным перерывом и в северо-западных Курляндских говорах, как и в говорах Биленштейна и Бризвемниакса: сюда принадлежат наречия *tā*, *šā* "так", *kā* "как" (примеры для форм со значением местн. пад. ед. ч. от таких же местоименных основ мне не известны из северо-западных курляндских говоров).
- 2) В производных основах имён существительных на *-tāja-*, *-āja-*, *-ēja-*, напр., в форме род. пад. ед. ч.: *mācītāja*, *arāja*, *skrējēja*. Именит. пад. ед. ч. этих имён в говоре Баара оканчивается на *-tais*, *-ais*, *-eis*, где *a* и *e* из *āj(i)* и *ēj(i)*.
- 3) В окончаниях прилагательных определенных, как в тех падежных образованиях, которые сохраняют *j* между гласными, так и в падежных

образованиях, устранивших *j* между гласными и получивших стяжение гласных. Ед. ч. им. пад. муж. р. в говоре Баара оканчивается на *-ais*, напр., в *baſtais*, где *ai* из *âj(i)*, именит. пад. ж. р. и род. пад. муж. р. — на *-â* из *-âja*, родит. пад. ж. р. на *-âs* из *-âjas*, вин. пад. на *-ū*, по моему мнению, из *-ūju-*, местн. пад. на *-âjā*, дат. пад. муж. р. на *-âjam*, дат. пад. жен. р. на *-âjai* (Баар пишет в конце *a*); во мн. ч. именит. пад. муж. р. на *-ē*, по моему мнению, из *-ējī*, именит. и винит. пад. жен. р. на *-âs* из *-âjas*, вин. пад. муж. р. на *-ūs*, по моему мнению, из *-ūjus*, род. пад. на *-ū*, по моему мнению, из *-ūju*.

3) (= За — О. П.) В основах полных форм прилагательных определённых, т.е. в формах местн. и дат.-творит. пад. ед. ч. и мн. ч.; напр., у Баара в формах местн. пад. *baſtājā*, *baſtājūs*, *baſtājās* (о длительной долготе в окончаниях местн. пад. муж. р. у Баара см. ниже), *baſtājam*, *baſtājai* (Баар пишет в конце *j*, см. выше), *baſtājēm*, *baſtājām* (о длительной долготе перед *m* у Баара см. ниже). В имен. пад. ед. ч. м. р. прилагательных определённых в говоре Баара оканчиваются на *-ais*, напр., *baſtais*¹², где *-ais* из *-âj(i)s*; сравни. выше из этого же говора имена существительные на *-ais*, *-eis*. Длительная долгота в говоре Баара, при долготе с полным перерывом у Биленштейна и Бревземниакса, является также и в окончаниях других кратких падежных форм прилагательных определенных, т.е. в окончаниях, заключающие в себе *ā* и дифтонги *ē* и *ū*, эти краткие формы, по моему мнению, частью произошли из сокращения полных форм, частью же и при том преимущественно представляют собою новообразования, вызванные влиянием аналогии. Формы на *-ā*, т.е. на *-â* у Баара и на *-ā* в говорах Биленштейна и Бревземниакса, в родит. пад. ед. ч. м. р. и в имен. пад. ед. ч. ж. рода, напр., *baſtā*, *baſtā*, образовались вследствие отпадения конечного краткого *a*, получившегося путём фонетического сокращения из долгого *a* и предшествующего *j* в полной форме на *-âja* (т.е. *-âja* и *-âja*), подобно тому, как в 3 л. прош. вр. такие образования, как *mazgāja*, *velēja* (*mazgāja*, *velēja* у Баара и *mazgāja*, *velēja* у Биленштейна и Бревземниакса) и др., имеют при себе в различных говорах параллельные сокращённые формы *mazgā*, *velē* и др.¹³, с отпадением конечного *a*, получившегося из *ā* и предшествующего *j*. Точно также, я думаю, и формы им. пад. мн. ч. муж. р. прилагательных определенных на *-ē* (т.е. *-ē* и *-ē*), напр., *baſtē*, *baſtē*, произошли вследствие отпадения конечного краткого *i*, образовавшегося фонетически из *ē* и предшествующего *j* в полной форме на *-ējī* (т.е. *-ējī* и *-ējī*), существовавшей некогда в латышском языке (сравни. литовский язык) и замененной затем формой на *-ājī* (*baltājī*, т.е. *baltaji* в примере у Биленштейна); в то время, когда *-āj-* (*-āj-* и *-āj-*) стало переноситься из тех падежных форм, где оно имело их в прочих падежных формах (между прочим, и в именит. пад. ед. ч. муж. р. на *-ajī*), сравни. отпадение конечного краткого *i* из *ē*, и предшествующего *j* в образованиях 2 л. ед. ч. прош. вр., напр., в *mazgā*, *velē*

¹² Эта форма приведена в статье Баара, а другие падежные формы прилагательных определённых в говоре Баара мне известны только из книги Биленштейна "Die lettische Sprache". II. С. 58–59, примеч.

¹³ Об этом образовании см. у Биленштейна "Die lettische Sprache". II. С. 133.

и др., употребляющихся при параллельных полных формах *mazgāji*, *velēji* (*mazgāji*, *velēji* и *mazgāji*, *velēji*) и др.¹⁴

Далее, под влиянием таких образований прилагательных определённых, как *baſtā* при *baſtāja* и *baſtē* при * *baſtēji*, явились и при формах на *-ūju* (-ūju, -ūju), некогда существовавших в латышском языке в винит. пад. ед. ч. и в род. пад. мн. ч. (сравн. литовский язык)¹⁵ и заменённых затем новообразованиями на *-āju* (*agrāju*, *bēzāju*, т.е. *agrāju*, *bēzāju*, и др. в примерах у Биленштейна), сокращённые формы на *-ū*, напр., *baſtū*, *baſtū*; а так как все эти сокращённые формы прилагательных определённых совпадали в окончаниях с соответствующими падежными формами местоимений (хотя и при различии в качестве долготы в говоре Биленштейна и Бревземниакса), то потому и в прочих падежах прилагательных определённых при полных формах явились параллельные краткие образования, однородные с соответствующими падежными формами местоимений, напр., в род. пад. ед. ч. жен. р. и в именит. и винит. пад. мн. ч. ж. р. краткая форма *baſtās*, *baſtās*, при именит. пад. ед. ч. *baſtā*, *baſtā*, по аналогии с *tās* при *tā*.

В тех падежах, однако, где в прилагательных определённых краткие формы этого образования не отличаются от форм прилагательных неопределённых, более употребляются полные формы прилагательных определённых; сюда принадлежат именно формы местн. и дат. пад. ед. и мн. ч., так как, напр., краткая форма дат. пад. ед. ч. м.р. в прилаг. определённых, напр., *baſtam* (сравн. местоименную форму *tam*), совпадает с тою же падежною формою прилагательных неопределённых (*baſtam*).

4) В производных глаголах на *-āju*, *-ēju*, *-īju*, *-ūju* и единичном по образованию глаголе *dabūju* (где *da-* по происхождению предложная приставка), напр.: *mazgāju*, *mazgājam*; *velēju*, *velējam*; *tīrīju*, *tīrījam*; *lūkēju*, *lūkējam*, *dabūju*, *dabūjam*. Формы 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр. оканчиваются в этих глаголах на *-ā*, *-ē*, *-ī*, *-ū*, вследствие отпадения в конце гласных *i*, а вместе с *j*: *mazgā*, *velē*, *tīrī*, *lūkū*, *dabū*.

Перед носовою согласною:

5) В окончаниях дат.-творит. пад. мн. ч., напр.: *vīzēm*, *sēvām*, *bedrēm*, *klētīm*, *tagūm*.

6) В окончаниях *-ām* в 1 л. мн. ч. прош. вр., напр.: *jājām*, *metām*, *nīkām*.

7) В именах, заключающих в словообразовательном суффиксе долгую гласную или дифтонг перед *n*, напр.: *vīlāns*, *vīlānīte*; *sivēns*; *ēdēns*; *kurēne*; *turēne*; *pērkēns*; *mákēns*, *cērpainš*. Впрочем, для длительной долготы *ai* в данном положении я знаю только один пример (*cērpainš*), из статьи Баара (с. 45).

¹⁴ См. "Die lettische Sprache". С. 133.

¹⁵ Биленштейн (там же, с. 57) приводит из народной песни один случай формы вин. пад. ед. ч. на *-ūju*.

Перед плавною согласною:

8) В именах на *-ūlis*, *-ūls*, напр., в *ābūlis*, *kūdūls*, и в единичном по образованию имени на *-āris* и *-āge*, именно в *vagāris*, *vagāre*.

Обращаюсь теперь к различию видов долготы в лифляндских говорах латышского языка. В лифляндских говорах существуют, между прочим, такие говоры, которые представляют три вида долготы, три "тона" во всех долгих гласных, дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, причём между этими говорами являются известные различия по отношению к употреблению трёх видов долгот, а гласных также и по отношению к их качеству. Кроме того, в Лифляндии известны и такие говоры, в которых наблюдаются два вида долготы, но которые, однако, не имеют долготы с полным перерывом и, следовательно, отличаются от говоров курляндских.

Среди лифляндских говоров, представляющих три вида долготы всех долгих гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний, я различаю, на основании сообщённого пока в печати материала, во-первых, те говоры, которые я буду называть лифляндскими говорами А. Три вида долготы, три "тона" этих говоров определены были впервые Нейландом¹⁶, затем Линде¹⁷, а впоследствии Пелексом¹⁸ (который, впрочем, ничего не говорил о дифтонгических сочетаниях), Эндзелинсом¹⁹ и П.Шмидтом²⁰; Нейланд в недавнее время вновь писал об этих видах долготы²¹ по поводу экспериментальных наблюдений над ними американского учёного Шмидта – Вартенбергера.

Ни Нейланд, ни Линде не указывают на то, в какой именно местности или в каких местностях латышского края существуют те три вида долготы, те три "тона", о которых они говорят; точно также и у Крумберга, а равно и у Стерста, различающих, как мы увидим далее, три "тона" в латышском языке, нет указаний на те говоры, которые каждый из них имеет при этом в виду. Отсутствие этих указаний, а равно и то обстоятельство, что с начала восьмидесятых годов (именно с 1881г., когда была напечатана статья Линде) в течение более чем десяти лет не появлялось в печати никакого сообщения о трёх видах латышской долготы, побудили меня в начале девяностых годов просить г. Вельма (Velme), чтобы он обратил внимание латышей на эти интересные факты в их языке и на крайнюю желательность точных указаний на то, в каких именно местностях латышского края различаются три вида долготы долгих гласных,

¹⁶ Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft. 1874. XV B. Drittes Stück. (статья без подписи имени автора).

¹⁷ Magazin. 1881. XVI B. Zweites Stück.

¹⁸ Rakstu krājums, izdots no Rīgas Latv. biedrības Zinību komisijas. 1894. 9. krajums.

¹⁹ Rakstu krājums. 1897. 11. kraj.

²⁰ "Тройкая долгота в латышском языке. Отдельный оттиск из Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1899. Т. LXVII.

²¹ Magazin. 1897. XX B. Erstes Stück.

дифтонгов и дифтонгических сочетаний. На запрос г. Вельма²² ответили гг. Пелекс и Эндзелинс. Пелекс в небольшой заметке о латышской долготе сообщает, что описанное им различие трёх видов долготы долгих гласных и дифтонгов (дифтонгические сочетания Пелекс не рассматривает) он слышал в Лифляндии около Вендана (латышское название Cēsis²³) и в других местах, напр., в Dzērbene; Эндзелинс в довольно обширной статье о тройком произношении латышских долгих гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний (дифтонги и дифтонгические сочетания вместе Эндзелинс называет дифтонгами)²⁴ говорит, что то тройное произношение этих звуков и звуковых сочетаний, какое он описывает в статье, сам он слышал в окрестностях Вольмара (латыш. название Valmēra, Valmēre).

Теперь и Нейланд сообщает (в "Magazin", 1897г.), что именно из говора в Вольмаре известны ему непосредственно те различия трёх видов долготы, которые он определил в статье, написанной в "Magazin" в 1874г. П.Шмидт производил наблюдения над тремя видами латышской долготы в своём родном говоре, именно "на границе Роннебургского и Смилтенского приходов", т.е., как видно на карте Лифляндии, очень близко от тех мест, на которые указывают Пелекс, Энделинс и Нейланд.

В лифляндских говорах А существуют именно следующие виды долготы долгих гласных, дифтонгов и дифтонгических сочетаний):

- 1) долгота длительная,
- 2) долгота с полным перерывом,
- 3) долгота, называемая мною долготою с неполным перерывом.

Два первых вида долготы этих говоров однородны по природе с соответствующими различиями долгот в говорах Курляндии. Относительно длительной долготы надо заметить, что Линде называет её "восходящую, возрастающую" и находит в ней усиление и повышение голоса (сравн. также у Линде "Art der Vocallänge"); по Пелексу, в долгих гласных с этой долготою вторая часть может быть длиннее и сильнее первой. Сравн. приведённое мною выше определение этой долготы как восходящей у Розенбергера; также и определение Биленштейна по отношению именно к дифтонгам (см. выше) указывает на присутствие восходящего элемента, и при том в начале этой долготы. С другой стороны, по П.Шмидту, "гласная с длительной долготою произносится ровно, без повышения или понижения голоса", и такою же признаёт эту долготу Эндзелинс при нормальном, обычном произношении (напр., не при декламаторском); в дифтонгах и в дифтонгических сочетаниях, имеющих

²² Реферат Вельма о тройной латышской долготе (по наблюдениям Крумберга, Нейланда и Линде) напечатан в Rakstu krājums. 1894. 9. kraj.

²³ Др. russk. КЕСЬ, КЕСЬ, КИСЬ.

²⁴ Эндзелинс ошибочно думает, будто под различными видами латышской долготы я понимаю различия в количестве, и даже предположил, что я принимаю к латышскому языку учение Барановского о трёх количествах в литовском языке. В действительности ничего подобного нет, и видами латышской долготы я называю различие латышской долготы по *качеству*. В том же смысле Баар говорил о двух долготах (т.е. по качеству) в латышском языке по отношению именно к различию между длительной долготою и долготою с полным перерывом.

длительную долготу, вторая часть, по Эндзелинсу, как и по Баару, представляет большее количество сравнительно с первою частью. Баар и Нейландт также ничего не говорят о восходящем элементе в длительной долготе. Таким образом, при сопоставлении различных определений этой долготы в Курляндии и лифляндских говорах А можно вывести заключение, что по отношению к длительной долготе существуют некоторые различия как в Курляндии, так и в Лифляндии и что в части тех и других говоров она заключает в себе восходящий элемент или во всём её протяжении, или в начале. Но действительно ли эта долгота является в говорах восходящей и в экспираторном отношении, как и в тоническом? В таком случае дифтонги и дифтонгические сочетания с этой долготой должны иметь слоговой звук во второй части. Или же восходящий элемент этой долготы касается только тонической стороны (повышение голоса), между тем как в экспираторном отношении в тех же говорах длительная долгота является нисходящей, хотя бы с ~~последующим опусканием голоса~~:

Дифтонгические сочетания с длительной долготой существуют в лифляндских говорах, между прочим, и при положении сонорной согласной перед гласною, в таких же случаях, как и в курляндских говорах, напр., в *kaņa*, *viļa*. Нейландт, признавая здесь дифтонгические сочетания ("unechte Diftonge"), говорит, что надо писать в этих случаях двойную сонорную согласную, напр., в *viļa* Нейландт видит *viļla*.

Долгота с полным перерывом в лифляндских говорах А вообще такая же, как и в Курляндии; о замыкании голосовых связок, как об условии полного перерыва, говорят Линде, Пелекс и Эндзелинс. Определение этой долготы у П.Шмидта, который называет её "прерывистою", делается неясным; Шмидт замечает, правда, что "при произношении этой долготы голос как будто бы вдруг прерывается или сжимается", но всё-таки ему кажется, что "это, пожалуй, даже не настоящая долгота, но будто насиливо выжимаемый короткий звук". В дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, имеющих эту долготу, Линде и Эндзелинс так же, как и Баар, слышат полный перерыв во втором звуке, т.е. во второй гласной или в сонорной согласной, поэтому Эндзелинс, согласно с Бааром, и в этих дифтонгах и дифтонгических сочетаниях определяет второй звук как более долгий сравнительно с первым. Относительно конечной части долготы с полным перерывом Линде говорит, что конец долгой гласной, после полного перерыва, произносится шёпотом, а касательно дифтонгов замечает, что в них вторая гласная, заключающая в себе полный перерыв, произносится почти шёпотом (т.е., вероятно, Линде слышит шёпот после перерыва). По Эндзелинсу, конец долготы с полным перерывом как в долгих гласных, так и в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях образуется шёпотом; по Пелексу, в долгих гласных с этой долготою вторая часть, после перерыва, есть именно произносимая тихо. Сравн. не вполне ясное определение у Биленштейна, по которому в дифтонгах вторая гласная "*klingt tonlos, deshalb gelinder und kürzer nach*", в дифтонгических сочетаниях плавная или носовая согласная "*hällt leise und leicht nach*", в долгих гласных второй элемент произносится "*leicht und kurz*". В

первой части долготы с полным перерывом, т.е. в части до полного перерыва, имеющей количество больше одной меры (по Баару и Эндзелинсу) остаётся неразъясненою её тоническая сторона, а между тем, как мы увидим далее, может представиться вопрос, не заключает ли в себе эта часть повышение голоса перед полным перерывом, т.е. не является ли восходящей в тоническом отношении.

Третий вид долготы в говорах, называемых мною лифляндскими говорами А, был открыт Нейландом (в статье 1874 года)²⁵, после того как Крумберг различил уже в латышском языке три "тона", по отношению к другим различиям в "тоне" в каком-то другом говоре (см. ниже). Нейланд называет эту долготу "halbgestossene Aussprache" и в первой своей статье он определил такую долгую гласную как состоящую "aus einem gestossenen und einem gedehnten Hüttern Vörl". Эта определенная гласная по своему произношению различается "gestossene Aussprache" и "gedehnte", да и самому Нейланду оно кажется теперь неудовлетворительным ("Magazin", XX B., erstes Stück, с. 8), но для нас оно всё-таки верно в том отношении, где свидетельствует о существовании какого-то перерыва в этой долготе на слух Нейланда. То же произношение, по словам Нейланда, является в немецких долгих гласных и дифтонгах в остзейских губерниях (между тем как Розенберг не отличал, как мы видим, немецкую долготу от латышской долготы с полным перерывом, т.е. от "gestossene Aussprache").

По определению Линде, латышская долгота, называемая Нейландом "halbgestossene Aussprache", есть долгота "нисходящая, ослабляющаяся", именно такая, при которой вторая часть звучит слабее и ниже по тону, чем первая часть; относительно долгих гласных с такою долготою Линде говорит, что они ясно слышатся из двух тесно соединённых кратких гласных, а это замечание свидетельствует опять-таки о прерывистом характере данной долготы. Согласно с Нейландом и Линде находит в немецких долгих гласных и дифтонгах (в латышском krae) долготу тождественную с латышскою третьюю долготою. — Из сопоставления определений этой латышской долготы у Нейланда (в первой статье) и у Линде я, ещё в то время, когда не были известны наблюдения Пелекса,

²⁵ Нейланд, как это видно из обеих его статей по данному вопросу (1874 и 1897), сам не признаёт, однако, что в действительности ему принадлежит вся честь открытия той латышской (диалектической) долготы, которую он называет "halbgestossene Aussprache". Нейланд ссылается на Крумберга, хотя и видит, что достаточно значительно расходится с ним в данном вопросе: но третий "тон" у Крумберга ("ниходящий") и по определению, какое дал ему Крумберг, и, главным образом, по употреблению, совсем не тот, что "halbgestossene Aussprache" у Нейланда" (см. у меня далее). Кроме того, Нейланд думает, что ещё Бютгнер в одной книжке "Магазина" указал на пример *vile* с тремя значениями" ("пила", "кайма у платы", "обманул"), где различие тех трёх "произношений", какие затем различает и в других случаях он, Нейланд. Я не нахожу, однако, в книжках "Магазина" этого указания; также и Эндзелинс говорит, что не мог найти его. Бютгнер в той статье в "Магазине", где он рассматривает виды латышских долгот, различает два, не три вида (см. у меня выше), а в части примеров для определения им различий в "Vocalaute" он приводит, в различных местах статьи, и три, и четыре слова *vile*, но при этом *wihle* "пила" с длительнодолгим *i*, и *wihle* "кайма у платы" с тем долгим *i*, которое Бютгнер определял как "accentuirter Laut" (т.е. с полным перерывом); он отличает собственное имя *Wille* (*Vile*) с кратким *i* и *wille* "шерсть", т.е. *više*, хотя последнее слово он писал также и *wille*. Надо заметить, что в говоре Нейланда *vile* "кайма у платы" имеет третий вид долготы "halbgestossene Aussprache" с долгим *i*, между тем как Бютгнер, я думаю, не знал этого вида долготы.

Эндзелинса и П.Шмидта, вывел заключение, что третья долгота лифляндских говоров А сея известного рода прерывистая долгота именно такая, которая по крайней мере в экспираторном отношении представляет две вершины: главную в начале и второстепенную, незначительную, в конце. Такого рода прерывистую долготу я называю долготою с неполным перерывом. Это заключение подтверждается тем фактом, что Нейланд во второй статье отличает "halbgestossene Aussprache" дифтонгических сочетаний от того произношения, какое имеют сочетания "краткая гласная + сонорная согласная" при положении не перед согласной; только перед согласной эти сочетания представляют различия между "gedehnte, gestossene, halbgestossene Aussprache", и, следовательно, при положении в конце слов дифтонгические сочетания в говоре Нейланда, как и в курляндских говорах, имеют экспираторно-нисходящее качество целого сочетания, отличающееся от "halbgestossene Aussprache" (у Нейланда нет примеров)²⁶. Затем надо заметить, что Нейланд и Линде отождествляют с третью латышскою долготою лифляндских говоров А немецкую долготу (в латышском krae) только в немецких долгих гласных и дифтонгах, но не в немецких сочетаниях "краткая гласная + сонорная согласная того же слова"; последние, следовательно, представляют экспираторно-нисходящее качество целого сочетания, между тем как немецкие дифтонги в произношении огтзейских немцев кажутся и мне имеющими две экспираторные вершины.

Пелекс называет третий вид долготы (второй у Пелекса) латышским термином, представляющим собою перевод немецкого "gestosser", и определяет долгие гласные с этою долготою как такие, в которых первая часть произносится сильнее, громче второй; по количеству эта долгота, говорит Пелекс, короче длительной, но он не указывает на какое-либо отличие её в количественном отношении от долготы с полным перерывом.

У П.Шмидта эта латышская долгота называется "нисходящей": "гласная с нисходящей долготою произносится так, как будто состоит из двух частей, причём первая имеет ударение" (сравн. определение Линде).

Такую долготу долгих гласных и Шмидт, как и Нейланд, и Линде, находит в прибалтийском наречии немецкого языка, а относительно дифтонгов с этою долготою он говорит, что "это вообще самое естественное и самое обычное произношение" и что оно существует и в русском языке, напр., в словах: чай, рай, лай. Указание на то, что латышская долгота, называемая Шмидтом нисходящей, в действительности не есть простая нисходящая, я вижу в признаваемом Шмидтом отличии дифтонгических сочетаний с этою долготою от дифтонгических сочетаний в конце слов. При написании таких слов, как tam,

²⁶ Линде, рассматривая три тона в дифтонгических сочетаниях, находит "нисходящий тон" (т.е. третий вид долготы), между прочим, и в сочетаниях "краткая гласная + сонорная согласная перед гласной", напр. в gaја, zeme и др. (а примеров для сочетаний "краткая гласная + сонорная согласная" в конце слова он не даёт), но можно думать, что Линде пришёл к такому заключению лишь на основании того, что сочетания "краткая гласная + сонорная согласная перед гласной" имеют в латышском языке "длительный тон" в таких случаях, как kāja (см. выше), хотя "тона" с полным перерывом и Линде не находит при положении сонорной согласной перед гласной. Нейланд во второй статье, я думаю, прав, признавая ошибочным мнение Линде о таких случаях, как gaја, zeme и др.

кам, Шмидт не обозначает в дифтонгических сочетаниях ни одного из трёх рассматриваемых им видов долготы, именно потому, конечно, что эти сочетания при положении в конце слов и в говоре Шмидта, как и в других, о которых я говорил выше, имеют экспираторно-нисходящее качество целого сочетания. Нельзя также не обратить внимание на то, что для обозначения третьего вида долготы Шмидт пользуется знаком ~, который в написании дифтонгов и дифтонгических сочетаний он ставит над буквою, выражающею второй звук звукового сочетания, напр. в *aī*, *aī'* и др.; такой способ обозначения этой долготы едва ли бы явился, если бы самая долгота была простою нисходящею.

Таким образом и в говоре Шмидта долгота третьего вида представляет собою, я думаю, долготу с неполным перерывом, с двумя экспираторными вершинами, а определение этой долготы у Пелекса, хотя не разъясняет её природы во всяком случае не указывает на простою нисходящее качество, да и самая долгота этого вида не называется у Пелекса нисходящею.

Но у Эндзелинса третья долгота определяется так, что действительно не может быть отличия от долготы экспираторно-нисходящей. Эндзелинс называет эту долготу "нисходящим произношением" и говорит, что это "нисходящее произношение", при котором первая часть является более сильною, чем вторая, существует, между прочим, и в дифтонгических сочетаниях в конце слов, напр., в *kur*, *kam*. Слоги с "нисходящим произношением", по наблюдению Эндзелинса, короче слогов с "длительным произношением" и тех, которые заключают в себе полный перерыв, и представляются приблизительно только две моры, между тем, как в двух других долгих "произношениях" Эндзелинс находит приблизительно три моры; поэтому в дифтонах и в дифтонгических сочетаниях при "нисходящем произношении" обе составные части звукового сочетания являются краткими, и такого рода дифтонги *ai*, *ai'*, *ei*, по мнению Эндзелинса, следовало бы писать *aj*, *av*, *ej*, подобно тому, как пишут *ev* в *sev*, *tev*, где дифтонг *eu* имеет "нисходящее произношение", хотя надо заметить, что тем не менее сам Эндзелинс обозначает произношение дифтонгов и дифтонгических сочетаний знаком ` над буквою, выражающею вторую часть звукового сочетания, напр., в написаниях *aī*, *aī'* и др.

Впрочем, Эндзелинсу известен и такой говор, именно в Drusti, где слоги с "нисходящим произношением" могут иметь также и количество приблизительно в три моры; напр., в *draūgs* (` у Эндзелинса знак "нисходящего" произношения), и здесь дифтонг *ai* представляет приблизительно две моры, но в *draūga* в этом говоре с "нисходящим произношением" имеют приблизительно три моры. В связи с этим количественным различием могло бы находиться различие и в качестве долготы (сравн. приводимые мною определения долгот у Стерсте), но Эндзелинс не говорит о таком различии.

Итак, я думаю, что третья долгота в лифляндских говорах А есть именно долгота с неполным перерывом, с двумя экспираторными вершинами, хотя при этом я считаю возможным, что в части данных говоров (в говоре Эндзелинса) она изменяется в долготу экспираторно-нисходящую. Из общелатышского языка получена была в этих случаях долгота и с неполным перерывом, как мы увидим далее.

По количеству латышская долгота с неполным перерывом одинакова, по-видимому, с долготою, имеющею полный перерыв, и несколько короче длительной долготы. Надо думать поэтому, что в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях и при этом виде долготы, как и при двух других, второй звук имеет большее количество сравнительно с первым, хотя несколько короче того же звука в дифтонгах и в дифтонгических сочетаниях с длительною долготою. Для обозначения долготы с неполным перерывом (третьей долготы) лифляндских говоров А я пользуюсь знаком ~, который, как я заметил уже, с тем же значением употребляется и у П. Шмидта.

Различие между тремя видами долготы в лифляндских говорах А в наибольшем количестве примеров определено П. Шмидтом по отношению к различным слогам слова. Для первого слога слов много примеров даёт также Эндзелинс, у которого в самом тексте его статьи обозначено вместе с тем качество долготы в конечном слоге неодносложных слов, хотя Эндзелинс говорит, что затрудняется точно различать длительное и "нисходящее" произношение в непервом слоге слов. У Нейланда приведены примеры трёх видов долготы только для первого слога; Линде и Пелекс, кроме примеров трёх долгот в том же наречии, сообщают кое-что и относительно качества долготы в непервом слоге, причём Линде из случаев этого рода берёт исключительно лишь долгие гласные в конце слов. По отношению к первому слогу слов латышские говоры, называемые мною лифляндскими говорами А, не представляют, по-видимому, каких-либо общих различий между собою в употреблении трёх видов долгот, т. е. в первом слоге слов, насколько позволяет судить собранный пока материал, различия между этими говорами в употреблении трех видов долгот является лишь в более или менее единичных случаях²⁷.

К таким исключениям принадлежат напр. *aūkla* "шнурок" у Эндзелинса²⁸ и Шмидта = *aūkla* у Нейланда, *aūkle* "нянька" у Эндзелинса при *aūklis* у Нейланда, *grēzt* "вертеть" в говоре Шмидта = *grēzt* около Вольмара (приведено у Шмидта), *kurlis* в говоре Шмидта = *kuflis* у Шмидта из других говоров и *kufls* у Эндзелинса, *ādze* у Шмидта (*ādze* приведено как слово из литературного наречия) = *ādze* у Эндзелинса, *ātris* в говоре Шмидта = *ātris* в говоре Трикленского прихода (приведено у Шмидта), *snēgt* "достигать" у Эндзелинса и у Шмидта = *snēgt* у Нейланда и др. При сопоставлении лифляндских говоров А с курляндскими говорами надо различать по отношению к качеству старой долготы (т.е. не в новых дифтонгах и дифтонгич. сочетаниях) первого слога слов, во-первых, слова, полученные не односложными (следовательно, между прочим, и новые односложные слова, с устранением гласного конечного слога), и, во-вторых, старые односложные слова. В первом слоге слов, полученных не односложными, длительной долготе курляндских говоров соответствует и в

²⁷ В словаре Шмидта встречаются, впрочем, и несомненные опечатки в знаках долготы.

²⁸ При сопоставлении материала, собранного у Эндзелинса и у Шмидта надо не забывать, что знаки ~ и ~ у Эндзелинса имеют значение, обратное тому, какое они получают у Шмидта: знак ~ у Эндзелинса выражает качество третьей долготы ("нисходящее произношение" по Эндзелинсу), а ~ у него служит для обозначения полного перерыва.

лифляндских говорах А также длительная долгота (за единичными исключениями), между тем как в соответствии с курляндской долготою, имеющей полный перерыв, лифляндские говоры А представляют в одних случаях ту же долготу с полным перерывом, а в других случаях — третью долготу (с неполным перерывом); различие между теми и другими случаями не объясняется из латышского языка в его отдельном существовании, но, как показывает сопоставление латышского языка прежде всего с литовским языком, различие в этом случае между долготою с полным перерывом и третьей долготою (с неполным перерывом) сохраняется в лифляндских говорах А и утрачена в курляндских говорах, где оба эти вида долготы совпали в одной долготе с полным перерывом, основываясь на старых доллатышских различиях в видах долгот и в месте ударения. Примеры будучи приведены мною ниже, когда я буду говорить о происхождении общелатышских видов долготы.

В старых односложных словах в соответствии с длительною долготою курляндских говоров лифляндские говоры А имеют в одних случаях ту же долготу, а в других — третью долготу; напр., курляндским словам *tā* "эта", *mēs* "мы", *jūs* "вы" и в лифляндских говорах А соответствуют также *tā*, *mēs*, *jūs*, но, напр., при курляндских *tā* "этого", род. пад. (Биленштейн приводит также и *tā*, с вопросительным знаком) *tā*, *tās*, *mēs*, *jūs*, мы находим в лифляндских говорах А: *tā*, *tā*, *tās*, *mēs*, *jūs*.

Объяснение этих случаев будет представлено много ниже. Курляндской долготе с полным перерывом в старых односложных словах соответствует в лифляндских говорах А вообще третья долгота, напр., курл. *kā* (у Биленштейна также и *kā* при известном употреблении) = лифл. А *kā*, курл. *taī* (и *taī* в части говоров) = лифл. А *taī*, курл. *jaū* (и *jaū* в части говоров) = лифл. А *jaū*; но в соответствии с курл. *trīs* "три" лифляндские говоры А имеют *trīs* (объяснение этого исключения см. ниже).

Различие вида старой долготы в непервом слоге слов в лифляндских говорах А определяется в большинстве случаев, как я заметил уже, только у Шмидта. В непервом слоге простых слов у Шмидта различаются вообще два вида старой долготы: длительная и с полным перерывом; третья долгота в непервом слоге простых слов со старою долготою указана у Шмидта только для дифтонгов *ai*, *ei*, *ii* в окончаниях дат. пад. ед. ч. имён, напр., в *malaī*, *māteī*, *sičdīi*, хотя "в разговоре стариков", по словам Шмидта, "все эти три формы заменяются короткою гласною *i*" (т.е. формою на *i*?), а вместо *-ii* и молодое поколение произносит обыкновенно *-i*, напр. *sičdi*. Длительное качество долготы в непервом слоге простых слов в говоре Шмидта мы находим, между прочим, в положении перед *j*, как сохранившимся, так и исчезнувшим, и перед плавными и носовыми согласными; в тех же случаях, как мы видим, является длительная долгота также и в северно-западных курляндских говорах, но между этими говорами и говором Шмидта существуют, тем не менее, известные различия в условиях образования длительной долготы в таких случаях. Все долгие гласные в непервом слоге простых слов как перед *j*, сохранившимся или исчезнувшим, так и перед

носовыми и плавными согласными, имеют в говоре Шмидта длительную долготу. Сюда принадлежат следующие случаи у Шмидта: окончания местн. пад. ед. ч. имен, напр., malâ, bedrê, bûrî, siřdî, tifgû;²⁹ окончания падежных форм прилагательных определенных, напр., labâis (где *aī* из *âi*, см. выше), labâ, labâs; производные имена существительные с основами на -tâja-, -âja-, -ēja-, напр., mâcítâš(-âš из -âjs), род. пад. mâcítâja; arâš (-âš из -âjs³⁰), род. пад. arâja; gâjës (-êš из -êjs), род. пад. gâjëja³¹; производные глагольные основы наст. и пр. вр., заключающие в суффиксе гласные ā, ē, i перед j, напр., в raúdâju, sédêju (прош. вр.), skaítiju (прош. вр.); окончание I-го л. множ. ч. прош. вр. на -ām, напр., в devâm, staigâjäm; окончания дат. пад. мн. ч. имен на -ām, -ēm, напр., в malâm, mâtêm; наречие rgujäm "вон, прочь", союз êkâm "прежде чем" (последнее отмечено у Шмидта как слово из литературного наречия, но, напр., у Биленштейна êkâm с кратким *a*); производные имена с основами на -âna-, -ina-, напр., dzáltânc (конечное *c* из *s* после *n*)³², cěmîc (-îc из -îns), род пад. cěmîna; существ. vagârs "староста" (из литературного наречия, по Шмидту).

Дифтонги ё и ӯ в непервом слоге простых слов в говоре Шмидта при тех же условиях представляют также длительную долготу, но не во всех случаях. В положении перед j, сохраняющемся или исчезнувшем, дифтонги ё и ӯ непервого слога простых слов в примерах Шмидта имеют только длительную долготу, именно в окончаниях падежных форм прилагательных определенных на -ё, -ӯ, -üs, напр., в labê, labü, labüs и в производных глаголах на -ýji, напр., в streípriúju, zvâ rüju и др., но ё и ӯ перед носовою и плавною согласными словообразовательных суффиксов³³ обозначены у Шмидта с длительной долготой вообще лишь в тех случаях, где предшествующий слог имеет долготу с полным перерывом, между тем как иначе, при отсутствии этого условия, ё и ӯ таких суффиксов представляют в говорах Шмидта долготу с полным перерывом (см. в статье Шмидта с. 8). Сравн., напр., с одной стороны, такие случаи, как aúgüns, dzérëns, édëns (Шмидт, стр. 8, опечатка); ábüls, kúdüls, úzüls, vitüls, но, с другой стороны, напр.: dzälünc (dzáltânc – О. П.) gäilüne, magüne, mákünis; jaütâjène, kamënc, nesëni, dzänüls, püpüls (хотя в kamüls почему-то длительная долгота).

Мы видим, что в северозападных курляндских говорах, напр. у Баара, долгота непервого слога простых слов сама по себе является долготою с полным перерывом, как и в других говорах Курляндии, и что длительная долгота долгих гласных и дифтонгов ё, ӯ (а в одном известном мне примере и дифтонга *aī*) непервого слога простых слов наблюдается в этих курляндских говорах только в

²⁹ В окончаниях местн. пад. мн. ч. имён в говоре Шмидта долгота с полным перерывом (см. ниже), напр.: malâs, bedrés и т. д.; у Баара длительная долгота в этих окончаниях объясняется, как я говорил, влиянием аналогии.

³⁰ Различие между этим -âš из -âjs, -âjš и -ais из -âjs, -âis в. им. пад. прилаг. опред. объясняется, вероятно, тем, что на имен. пад. ед. ч. имён сущ. с основами на -tâja-, -âja- влияло âj, с j перед гласными в основе других падежей.

³¹ В одном случае, именно в слове vifsâji, т.е. viſsâji "вереск" обозначена почему-то (опечатка?) у Шмидта долгота с полным перерывом.

³² Буква ă у Шмидта обозначает "é" открытое.

³³ Дат. пад. мн. ч. имён сущ. муж. р. оканчивается в говоре Шмидта не на -em, но на -im.

положении перед *j*, сохраняющимся или исчезнувшим, и перед плавными и носовыми согласными; несомненно поэтому, что длительное качество долготы во всех этих случаях обусловлено здесь фонетическим влиянием со стороны *j*, плавных и носовых согласных. Но в говоре Шмидта длительная долгота непервого слога простого слова является не только при положении долгих дласных и части дифтонгов *ё* и *ў* перед *j*, сохраняющимся или исчезнувшим, и перед плавную или носовою согласною, но также и в других случаях.

Так длительная долгота отмечена у Шмидта в именах сущ. на *-iba*, *-ëc* (из *-ëtis*), ж.р. *-ëte*, *-ic* (из *-itis*), ж.р. *-ite*, *-nëks*, ж.р. *-nica*, напр., в *ticiba*, *vâcëc*, *krëvête*, *brâlic* (род. пад. *brâlîša*), *saimnëks*, *saimnîca*; в конечном слоге основ прилагательных и деепричастий дейст. зал. наст. и будущ. вр., напр., в *värdûc*, *täkëš* (где *š* из основ других падежей), *nâkët*, *nâkšët*, *zinít*; в окончании *-ät* во 2 л. мн. ч. прош. вр., напр., в. *devât*, *staigâjât*. Длительная долгота старого дифтонгического сочетания в непервом слоге простых слов обозначена у Шмидта, напр., в *cäurtäis*, *cëkurzis* "шишка", *titißbis* (название птицы).

Долготу с полным перерывом в непервом слоге простых слов Шмидт определяет: в именах прилагательных на *-äc* (ж.р. *-äda*), *-äks*, *-igs*, *-ainc* и в существительных на *-ainis*, напр., в *dažäc*, *labäks*, *pädigs*, *bäbaraïnc*, *kukaïnis*, *tävaïnis*; в производных глагольных основах на *-ä-*, *-ë-*, *-i-*, *-ü-* в положении не перед *j*, напр., в *raúdät*, *raúdåsana*, *ecët*, *ecékšas*, *adït*, *adïklis*, *vaizët*; в окончании возвратной формы глаголов, причастий и имён существительных, напр., в *kaúnüs*, *kaúnës*, *kaúnamës*, *kaúnatës*, *kaútüs* (супин), *kaúnütës* (им. пад. мн. ч. причаст. наст. вр.), *kaúshanás*; в окончаниях местои. пад. мн. ч. имеют, напр., в *gaídüs*, *maläs*, *bedrés*, *siřdis*; в таких именах существительных, более или менее единичных по образованию, как напр.: *apügs*; *balüdis*; *galüda*; *tükstüç* и *tükstüš*, *vâlüdze*; *putraimës* и др. Долгота с полным перерывом старого дифтонгического сочетания в непервом слоге слов указана у Шмидта, напр., в *papařde*, *skabařga*.

Итак, несомненно, что различие между длительной долготой и долготой с полным перерывом в непервом слоге простых слов в говоре Шмидта во многих случаях не зависит от фонетического влияния со стороны соседних в слове звуков, т.е. основывается на старых различиях в качестве долготы таких слогов (см. ниже). Следовательно, и там, где мы находим в этом говоре в таких же слогах длительную долготу перед *j*, носовою или плавною согласною, мы должны (отметить – О. П.) различные случаи, в которых длительное качество, вместо долготы с полным перерывом, обусловлено влиянием со стороны *j*, носовой или плавной согласной, и случаи другого рода, где получена была та долгота, которая сама по себе должна была явиться длительной в говоре Шмидта при положениях в непервом слоге простых слов. Поэтому относительно окончания 2-го л. мн. ч. прош. вр. на *-ät*, напр., в *devât*, нельзя утверждать, что длительное качество долготы образовалось здесь под влиянием формы 1 л. мн. ч. на *-äm*, напр., в *deväm*; мы увидим далее, что в том и другом случае *-ä* получено было с тою долготою, которая в говоре Шмидта должна была измениться в длительную при положении в непервом слоге простых слов.

С непервым слогом простых слов однороден в известных случаях по условиям образования длительной долготы в говоре Шмидта корневой слог слов во второй части словосочетания, именно в словах собственносложных, заключающих в себе или соединение именных основ или же соединение нефлективного слова с основою имен существительных, но не в слитно-сложных словах, образуемых из соединения предлогов с глаголами и с именами прилагательными. В тех случаях, где корневой слог слова, являющегося во второй части таких сложных слов, имеет сам по себе, в отдельном слове, долготу с неполным перерывом, она изменяется в говоре Шмидта в длительную долготу при употреблении во второй части этих сложных слов. Сюда принадлежат, напр., такие случаи, как *aprūcis*, *ērūcis* – сравн. *rūka*; *gaīdaīc*, *kaklaīc*, сравн. *aīc* (т.е. *aūts*)³⁴; *mataūkla*, сравн. *aūkla*; *paspārne* "убежище" (по Биленштейну, "Raum unter dem Flügel"), сравн. *spāfni* "крылья" (см. у Шмидта с. 8–9)³⁵.

Но долгота с неполным перерывом сохраняется без изменения во второй части слов, слитных по значению, и в производных от них, напр., в *asprūstēs* (из *at-s-pūstēs*), *aīzmiīst* (хотя простой глагол **miīst* "забывать" не употребляется), *aizmafsīgs*, *ēslīps*, *ēskībs* и др. Различие между теми и другими непростыми словами по отношению к качеству долготы в корневом слоге второй части в говоре Шмидта объясняется, надо думать, тем, что в словах, слитных по значению, главное ударение некогда продолжало сохраняться в латышском языке на корневом слоге второго слова, в то время, когда уже существовал закон относительно ударяемого первого слога слов. Также и в словах, слитных по происхождению, сохраняется без изменения в говоре Шмидта долгота с неполным перерывом в корневом слоге второго слова, при отсутствии на этом слоге главного ударения, напр., в *paīdēs* "спасибо" (при *paīdēs*, с главным ударением на втором слоге, см. ниже).

В курляндских говорах во всех этих случаях (как в словах слитных, так и в собственно сложных) является долгота с полным перерывом в корневом слоге второй части непростого слова, и в этой курляндской долготе в данных случаях могли совпасть те два вида долгот, которые в говоре Шмидта различаются как долгота с неполным перерывом и как длительная долгота, так как ведь и в непервом слоге простых слов курляндская долгота с полным перерывом соответствует, между прочим, длительной долготе в говоре Шмидта. Что же касается тех непростых слов, которые заключают во второй части слово, имеющее в отдельном употреблении длительную долготу корневого слога, то в примерах у Шмидта, правда очень немногочисленных, я нахожу сохраняющуюся без изменения эту долготу и во второй части даже собственно слитных слов, напр., в

³⁴ Не ясно, однако, почему явилась долгота с полным перерывом в *prēkšāīc* у Шмидта.

³⁵ Шмидт ошибочно объясняет слово *adēne* "корова, которая телится через два года" из *at+dēna* (причём происхождение значения оставалось бы непонятным), в действительности, вторая часть в *adēne*, родственно, конечно, с литовск. *dēni* "беременная, тельная", *dēninga* "беременная на сносях" в словаре Юшкевича (сравн. в LDW Куршата "*dēna d. diena trächtig*") и имеет, я думаю, старую длительную долготу, т.е. образованную не в словосложении (см. ниже о таких же случаях). Невероятным кажется мне также мнение Шмидта, будто слово *adēni* "ярица" образовано из *at+dēna*; Ульман при *adēni*, *adēnis* приводит и *adiēni* и указывает на ливск. *adia*.

pasaūle, сравн. saūle; не только в словах слитных, напр., в pazīt, сравн. zīt; также и в курляндских говорах во всех этих случаях, как я говорил, длительная долгота. Надо думать, поэтому, что корневой слог с длительной долготой при употреблении слова во второй части слова собственно сложного имеет на себе в латышском языке значительное ударение (а в словах слитных сохраняет никогда полное ударение), так как мы ждали бы иначе такое же изменение здесь длительной долготы, как и в непервом слоге простых слов, именно долготу с полным перерывом как в курляндских говорах, так и в говоре Шмидта. Наконец, в тех непростых словах, которые имеют вторую часть, образованную из слова, представляющего в корневом слоге долготу с полным перерывом в говоре Шмидта, эта долгота сохраняется здесь во второй части слов слитных и собственно сложных, напр., в atraūgātēs, ēgaīvis, gaūgātēs, gaīva; в курляндских говорах в этих случаях также долгота с полным перерывом.

Линде определяет качество долготы в непервом слоге слов лишь по отношению к долгим гласным в конце слов, именно в окончаниях местн. пад. ед. ч. имён, в окончаниях 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр. производных глаголов с основами на -ā, -ē, -i и в конечном -ā прилагательных определённых, т.е. вообще в некоторых из тех случаев, где за долготу гласною исчезло *j*. По определению Линде, долгие гласные в этих окончаниях имеют третью долготу ("нисходящую" по Линде), напр., в kūtī (местн. пад.), mazgā (2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр.), labā (имен. пад. ед. ч. ж. р. и род. пад. ед. ч. м. р.), и, следовательно, говор Линде отличается в таких случаях от говора Шмидта.

Нейланд во второй статье упоминает об этом наблюдении Линде, не представляет возражений, вследствие чего можно думать, что и в говоре Нейланда конечные долгие гласные в непервом слоге слов, перед исчезнувшим *j*, имеют ту же третью долготу.

Также и у Эндзелинса в самом латышском тексте его статьи обозначена третья долгота ("нисходящая" по Эндзелинсу) как в этих случаях, так и в некоторых других, однородных с ними, где у Шмидта длительная долгота, именно в форме прилаг. определённых на -ās и в окончаниях дат. пад. мн. ч. на -ām, -ēm, хотя надо иметь в виду, что Эндзелинс, как он сам говорит, затрудняется различать в слоге без удараение длительное и "нисходящее" произношение и указывает в одном из примечаний на то, что он не может определить точно, является ли длительное или "нисходящее" произношение в окончаниях местн. пад. ед. ч. имён, напр., в pamā, iрē (в тексте статьи обозначает, однако, "нисходящее" произношение в этих случаях, т.е. третью долготу). Но в говоре Пелекса долгие гласные в окончаниях местн. пад. ед. ч. имён представляют долготу с полным перерывом, напр., в pamā, lejā; и та же долгота в этих окончаниях известна из говоров и Шмидту, хотя в его родном говоре в этих окончаниях является, как мы видели, длительная долгота. Кроме этих случаев, качество долготы непервого слога простых слов обозначено у Пелекса и у Эндзелинса (у последнего в самом тексте статьи) в окончаниях возвратной формы глаголов и причастий, а у Эндзелинса также и в окончаниях

местн. пад. множ. ч. имён, при чём и в тех, и в других формах определена именно долгота с полным перерывом; такой же вид долготы существует в этих случаях, как я говорил, и в говоре Шмидта.

Для определения качества долготы в корневом слоге второй части слов непростых Нейланд, Линде, Пелекс не дают материала. У Эндзелинса, в латышском тексте его статьи, обозначается качество долгот корневого слога во второй части слитных слов, при чём в этом положении я нахожу у Эндзелинса только знаки длительной долготы и долготы с полным перерывом, но не знак третьей долготы. Длительная долгота в таком положении обозначена как там, где вторая часть слитного слова имеет и в отдельном употреблении ту же долготу корневого слога, напр., в *atžīdams*, так и в тех случаях, где эта часть, по крайней мере в словах, слитных по составу, представляет сама по себе, в отдельном употреблении, третью долготу, напр., в *pēslējās* (сравн. *sleji*, прош. вр. глагола *slēt*) *izkrīt* (сравн. *krītu*, наст. вр. глагола *krist*); у Шмидта в случаях второго рода сохраняется, как мы видим, третья долгота. Долгота с полным перерывом в корневом слоге второй части слитных слов обозначена у Эндзелинса там, где эта часть в качестве отдельного слова имеет ту же долготу, напр., в *uzstājās* (сравн. *stāju*)³⁶, и где, как мы видим, та же долгота имеется и в говоре Шмидта.

Я указывал до сих пор на употребление различных видов старой долготы в лифляндских говорах А и на отношение этих видов к старой долготе в курляндских говорах. Что касается латышских новых дифтонгов и дифтонгических сочетаний перед согласною, получившейся вследствие утраты краткой гласной за *j*, *v*, плавною или носовою согласною, то в курляндских говорах, как я уже говорил, они представляют долготу с полным перерывом, при положении как в первом, так и в непервом слоге слов; также и новые дифтонги в конце слов в части курляндских говоров имеют, как мы видели, ту же долготу, между тем как в северозападных говорах Курляндии они получают экспираторно-нисходящее качество. В лифляндских говорах А во всех случаях является третья долгота, указанная именно у Эндзелинса, нередко у Шмидта и в единичных примерах у Линде. Например, курл. *aúzas* = лиф. А. *aízas* (сравн. литовск. *ávižos*), курл. *birkāus* (пишут *birkaws*), род. пад. *birkava* = лифл. А *birkāüs*, род. пад. *birkava*; курл. диалект. *naú* = лифл. А *naí*; курл. *gaífs* = лифл. А *gafs*; курл. *naím̩s* = лифл. А *naím̩s*; курл. *arum̩s* = лифл. А *arum̩s* и др. Дифтонгические сочетания в конце слов, как старые, так и новые, и в лифляндских говорах А, по крайней мере у Шмидта и у Нейланда (см. выше), как и в курляндских говорах, представляют экспираторно-нисходящее качество (у Эндзелинса, как я говорил, оно не отличается от третьей долготы, названной у него "нисходящим произношением"), напр., в *kuf* (старое дифт. сочет.), *kañt* (новое дифт. сочет.).

К лифляндским говорам, различающим три вида долготы в долгих гласных, дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, принадлежит и тот говор, в котором произведены наблюдения Крумбергом, сообщившим результаты своих

³⁶ На стр. 110 в статье Эндзелинса *pazít*, т.е. при моём обозначении видов долгот *pazít*, вместо ожидаемого *pazit* (т.е. в моём обозначении *pazít*), представляет, впрочем, опечатку.

исследований в нескольких статьях, помещенных в Магазине Латышского Литературного Общества в 1873 и 1881 гг.³⁷, но частью по употреблению, частью по природе, различие трёх видов долготы в говоре Крумберга не то, какое нам известно из лифляндских говоров А.

Крумбергу наука обязана тем, что он первый указал на существование в латышском языке трёх долгот ("тонов"), т.е. трёх видов долготы, и вызвал наблюдения Нейланда, Линде и других над тремя латышскими долготами в других говорах. В заглавиях статей Крумберга местом жительства автора в 1873, а в 1881 местом прежнего жительства, называется *Valmērtmuīža* (*Wolmarshof*) в Лифляндии, но в самих статьях Крумберг не считает нужным определить точно местности, в которых он проводил свои наблюдения, так как думал, что указываемое им различие трёх "тонов" составляет принадлежность вообще латышского языка, вследствие чего он признавал неверными, ошибочными во многих случаях обсуждения различий в "тоне" у Ульмана, а также и у Нейланда. Впрочем, и Нейланд (в первой статье), и Линде также не думали и о диалектических (диалектных – О. П.) различиях в самом языке по отношению к видам латышской долготы.

Крумберг определил в латышском языке три следующих долгих "тона":

- 1) "алфавитный тон": "*Vocallaut, wie beim Lesen des Alphabets*",
- 2) "восходящий тон": "*vom alphabetischen Ton abschwenkend, wie beim Aufziehen einer angeschlagenen tönenden Saite sich etwas hinaufschwingend*",
- 3) "нисходящий тон", более краткий: "*vom alphabetischen Laut ausgehend zum Kurzlaut jäh abfallend und tonlos schliessend, wie beim plötzlichen vollen Nachlassen einer angeschlagenen tönenden Saite*".

Из сопоставления примеров, приведённых Крумбергом в очень значительном количестве, с примерами у Шмидта, Эндзелинса, Нейланда, Линде и Пелекса я вывожу следующие заключения касательно взаимного отношения трёх видов долгот в лифляндском говоре Крумберга, с одной стороны, и в лифляндских говорах А, с другой. Сперва остановимся на первом слоге (т.е. под ударением) простых неодносложных слов и на словах односложных. "Восходящий тон" у Крумберга в этом положении обычно соответствует по употреблению долготе с полным перерывом в лифляндских говорах А, хотя, надо думать, отличается от неё по природе, так как Крумберг при определении "восходящего тона" не упоминает о перерывах, образуемых замыканием голосовых связок. Например, в следующих словах, имеющих в первом слоге в лифляндских говорах А долготу с полным перерывом, отмечен у Крумберга "восходящий тон", обозначаемый мною знаком ' (в том же значении ' и в статьях Крумберга 38): *āda, aīt, aūgt, aūst* "ткать", *baīt, bēgt, bītēs, bījaūt, buībulis, būt, caūne, ceīt, dēgs, deīs, dēt, dzēdat, dzēt, dzīvs, ēst, gaīlis, gaīva, graūzt, grūzt, īgt, jāt, jaūns, jūsta, kaīls, kaīns, kaūss, kaūt* "закалывать, бить", *knēbt, krēsls* "кресло", *lācis*,

³⁷ Magazin. 1873. XV Band. Zweites Stück. 1881; XVI Band. Zweites Stück.

³⁸ В словаре у Крумберга вместо знака ' употребляется ' ; я не беру этот знак потому, что через я обозначаю смыгчение согласных.

laist, lēt (долгота с полным перерывом обозначена в этом слове у Линде и у Эндзелинса, у Шмидта leēt описана вместо leēt, т.е. lēt, как это видно из формы прош. вр., приведённой Шмидтом: lēju, т.е. lēju), lētus, lēt, lūks, mācēt, mēts, mīksts, mīz̄t, mīt "менять", naīds, naūda, nirt, paīnala, pēda, pētis, pēt, pīt, plaīns, plaūkt, prēks и т.д. (другие примеры см. ниже).

Редко встречаются случаи, в которых "восходящий тон" в первом слоге у Крумберга соответствует длительной долготе лифляндских говоров А; ещё реже при таком положении "восходящий тон" перед согласной (не в односложных словах, оканчивающихся на дифтонг и дифтонгич. сочетания см. далее) является в соответствии с третьей долготой лифляндских говоров А. К таким исключениям принадлежат, напр.: baūrēt при baūrēt у Нейл., Эндз., Шм.³⁹; dāvāt и dāvana, dāvāt у Э., Ш. и dāvana у Э.; gaīnāt, gaīnāt у Ш.; grūt, grūt у Ш.; krīts "мел", krīts у Пел. и Ш.; lūms, lūms у Ш.; maīnīt (сравн. mīt "менять"), maīnīt у Э. и Ш.; smaīdīt, smaīdīt у Ш.; ūlāūcīt, ūlāūcīt у Э. Ш.; tūlin, tūlin у Ш.; lēvars, при lēvars (lāvars) у Ш.; plaūcēt, plaūcēt у Э. и Ш.; rūns, rūns у Ш.; rēkšava, rēkšava у Ш.; taūre, taūre у Ш.; tūls, tūls у Ш.

Эти случаи однородны в общем с теми, где и между отдельными лифляндскими говорами А являются различия в качестве долготы первого слога одного и того же слова, примеры я приводил выше, и сюда же принадлежат, между прочим, peīdēt, rāidīt, stīga у Шмидта, при peīdet, rāidit, stīga у Эндзелинса, а с последними согласуются и peīdēt, rāidit, stīga у Крумберга⁴⁰.

"Восходящий тон" другого происхождения отмечен у Крумберга в некоторых случаях в односложных словах, имеющих в окончании или дифтонг на i, и (старый и новый), или дифтонгическое сочетание (старое и новое), там, где в лифляндских говорах А является третья долгота дифтонга на i, и и экспираторно-нисходящее качество дифтонгического сочетания; напр., в словах taī, jaū, tēw, sēw, т.е. teū, seū (но в пам не обозначено качество "тона"), kuī, aī, uī, tarī (но в форме 3 л., оканчивающейся на дифтонгическое сочетание, напр., в war, т.е. var, не обозначено качество "тона").

"Алфавитный тон" у Крумберга, обозначаемый мною знаком - (тот же знак у Крумберга в списке слов) по природе соответствует, конечно, длительной долготе лифляндских говоров А, а "нисходящий тон", который я обозначаю через ` (` и у Крумберга в списке слов) по природе однороден с третьей долготой лифляндских говоров А, и при том, как можно думать на основании определения, данного этому тону у Крумберга (см. выше), он представляет собою, по-видимому, именно долготу с неполным перерывом, т.е. с двумя вершинами: тон, в котором замечается на слух крутое падение, нисхождение, может быть, мне кажется, лишь долготу с двумя вершинами, главною в начале и второстепеннью в конце (хотя Крумберг не упоминает о второй вершине). По

³⁹ Качество долготы непервого слога в словах, приведённых мною здесь из лифляндских говоров А, я обозначаю так, как указано у Шмидта.

⁴⁰ "Восходящий тон" обозначен Крумбергом, между прочим, в словах tēm, tām (tēm, tām), дат. п. мн. ч., из лифляндских говоров А мне не известно качество долготы в этих местоимённых формах (в курляндских говорах tēm, tām).

количеству этот "тон" у Крумберга короче двух других; сравн. у Эндзелинса определение количества "нисходящего произношения". По употребляемости, однако, тон "алфавитный" и "нисходящий" у Крумберга отличается от соответствующих им по природе видов долгот в лифляндских говорах А, а именно, в первом слоге простых слов и словах односложных. Каждый из этих двух "тонов" употребляется в соответствии как с длительною долготою, так и с третьею долготою лифляндских говоров А, в зависимости, следовательно, от различия в известных условиях. Различие в этих условиях (которое я открыл не скоро) очень простое, а именно, "алфавитный тон" в первом слоге простых слов и в словах односложных, в соответствии, как с длительною, так и с третьею долготою лифляндских говоров А, является фонетически при положении звука или звукового сочетания, полученных с тем и другим видом долготы перед звонкою согласною, шумною и сонорною, а в именах со звонкою согласною во втором слоге основ перенесён также и в форму именит. пад. ед. ч. на -s, где звонкая согласная, за которую выпала краткая гласная, являясь в положении перед s, становилась глухою; "нисходящий тон" в первом слоге простых слов и в словах односложных у Крумберга, в соответствии как с третьею, так и с длительною долготою лифляндских говоров А, существует при положении звука или звукового сочетания, полученных с тем и другим видом долготы, не перед звонкою согласною, т.е. или перед глухою согласною (с указанным выше исключением), или в конце односложного слова. Это правило, применяющееся, между прочим, и к словам заимствованным, я проверил на всех многочисленных примерах, приведённых Крумбергом для различий в "тоне", и единичное исключение я встретил в слове mēs "мы", в котором является почему-то "алфавитный тон", не "нисходящий", как мы увидели бы по указанному мною правилу, хотя в jūs "вы" у Крумберга "нисходящий тон, согласно с этим правилом (в лифляндских говорах А и в курляндских говорах mēs и jūs). Другим исключением было бы заимствованное drēskambaris, с "алфавитным тоном" перед глухою согласною (см. в словаре Ульмана *drehskambaris*, т.е. *drēskambaris*, "Dresskammer, Sakristei"), но это слово в таком его звуковом виде получено данным диалектом из другого диалекта (из церковного языка). В сложных словах у Крумберга "нисходящий тон" первой части сохраняется и при положении перед звонкою согласною в начале второй части, или, как показывают слова, имеющие в первой части предложные приставки n̄- (сравн. предлог. n̄ = n̄ в лифл. говорах А) и ē- (сравн. ē- у Эндзелинса и в некоторых случаях у Шмидта; хотя обыкновенно в примерах у Шмидта, а частью у Эндзелинса, ē-), с "нисходящим тоном", между прочим, и перед звонкими согласными, напр., в n̄vads, ēgaīva, ēgūt; поэтому же Крумберг пишет, напр., Vāczeme (хотя и замечает, что с звучит здесь как d), так как vācis имеет "нисходящий тон", в соответствии, по указанному мною правилу, с длительною долготою перед глухою согласною в говоре Шмидта (см. у Шмидта vācēc). Но "алфавитный тон" в первой части сложного слова изменяется в "нисходящий" при положении перед глухою согласною в начале второй части сложного слова; по крайней мере,

предложная приставка *pār-* (сравн. у Шмидта предлог *pār*⁴¹), сохраняющаяся в таком виде перед гласною и перед звонкою согласною, является изменённою в *pār-* при положении перед глухою согласною, напр., *pārasmins*, *pārlūkūt*, но напр., *pārkaras*, *pāreikta*.

Для пояснения указанного мною правила относительно употребления у Крумберга "алфавитного" и "исходящего тона" в первом слоге простых слов и в словах односложных приведу несколько примеров, при чём в скобках помещу соответственные слова лифляндских говоров А.

1) "Алфавитный тон":

alga (alga Нейл., Эндэ., Шм.), aūzas (aūzas Н., Э., Ш.), bārda (baſda Э., Ш.), bērzs, род. пад. bērza (bērzs Э., Ш.); bēzs, род. пад. bēza (bēzs Н., Э., Ш.); brālis (brālis Н., Э., Ш.), būda (būda Н., Э., Ш.), cēms (cēms Н., Э., Ш.), cirulis (cirulis Э., Ш.), dārzs, род. пад. dārza (dārzs Линде, Э., Ш.), dēvs, род. пад. dēva (dēvs Н., Л., dēs, род. пад. dēva, Ш.), draūgs, род. пад. draūga (draūgs Н., Э., Ш.), dūmi (dūmi Э., Ш.), dūbe (dūbe Н., Э., Ш.), dvīnis (dvīnis Н., Э., Ш.), dzērve (dzērve Э., Ш.), ērms (ērms Э., ārms Ш.), īrglis (ērglis Э., Ш.), īva (īva Н., Э., Ш.), gādāt (gādāt Э., Ш.), grīda (grīda Н., Э., Ш.), gūds, род. пад. gūda (gūds Н., Э., Ш.), gūvs, вин. пад. gūvi (gūvs Н., Э., gūs, вин. пад. gūvi Ш.), ire (ire Ш.), irēt (irēt Э.), jaūdāt (jaūdāt Э., Ш.), jēga (jēga Э., сравн. jēgt Ш.), jūra (jūra Э., Ш.), kāja (kāja Э., Ш.), kaūdze (kaūdze Э., Ш.), kaūls (kaūls Л., Э., Ш.), krēvs (krēvs Л., krēus, род. пад. krēva Ш.), laūdis (laūdis Э., Ш.), lēls "большой" (lēls Н., Л., Э., Ш.), lidz (lidz Э., Ш.), māja (māja Э., Ш.), mēgs, род. пад. mēga (mēgs Э., Ш.), mēnesis (mēnesis Э., Ш.), milēt (milēt Э., Ш.), nēvāt (nēvat Э.), nēzēt (nēzēt.), pēns (pēns Н., Л., Э., Ш.), plēns (plēns Ш.), prēde (prēde Э., Ш.), raībs, род. пад. raība (raībs Н., Л., Э., Ш.), rāms (rāms Э., Ш.), raūdzīt (raūdzīt Ш., raūdzitēs Э., сравн. acu raūgs Н.), rūbs, род. пад. rūba (rūbs Л., Э., Ш.), sārms (sārms Э., Ш.), saūle (saūle Э., Ш.), sērga (särga Ш.), sēns (sēns Н., Э., Ш.), sēva (sēva Л., Э., Ш.), snēgs, род. пад. snēga (snēgs Н., Э., Ш.), spārns (spārns Э.), stāvēt (stāvēt Пелекс, Э., Ш.), strāūme (strāūme Ш.), sūds, род. пад. sūda (sūds Э., Ш.), šķēle (skēle Э., Ш.), šūni (šūni Э., Ш.), tēvs (tēvs Н., Э.), tās, род. пад. tāva, tīrs (tīrs Л., Э., Ш.), ūgle (ūgle Ш.), ūla (ūla Ш.), vārds, род. пад. vārda (vārds Л., Э., Ш.), vārna (vārna Э., Ш.), vēgls (vēgls Э., Ш.), vīle "кайма" (vīle Н., Л., Э., Ш.), vīli, вин. пад., П.), virs (virs Л., Э., Ш.), zāzds, род. пад. zāzda (zāzds Э., Ш.), zēma (zēma Э.), zile "сицица" (zile Л., Ш., у Э. для zile не указано значение), zile "желудь" (zile Л., Ш. и zile Ш.), zūbs, род. пад. zūba (zūbs Л., Э., Ш.), žāvas, žāvāt (žāvas Э., žāvātēs Ш.).

2) "Исходящий тон":

aūst "рассветать" (aūst Н., П., Ш.), baīss (baīss Э., Ш.), bārt (bārt Н., Л., Э., Ш.), bērt (bērt Н., Л., Ш.), brēsma (brēsma Э., Ш.), brēkt (Н., Л., Э., Ш.), cēst (cēst Э., Ш.), cūka (cūka Э., Ш.), čūska (čūska Э., Ш.), drāzt⁴² (drāzt Э., Ш.).

⁴¹ Но *pār* в *pārdūt* у Шмидта и у Эндзелиша.

⁴² Я напишу в подобных случаях *z*, не *s* по происхождению.

drīkstēt (drīkstēt H., Э., Ш.), drūss (drūss H., Э., Ш.), dvēsele (dvēsele Э., Ш.), dzīt "гнать" (dzīt Ш.), ēka (ēka Э., Ш.), ērce (ērce Ш.), ēsms (ēsms Э., Ш.), grēzt "вертеть" (grēzt Э., Ш. и grēzt Ш.), grūts (grūts Э., Ш.), gūt (gūt Ш.), īpaši (īpašs Э., Ш.), jēgt (jēgt Ш.), jūs (jūs Э., Ш.), jūks (jūks H., Э., Ш.), kā "кого" (kā H., Л., Э., Ш.), kārkls (kārkls Э., Ш.), kārt (kārt Л., Э., Ш.), kāsēt "кашлять" (kāsēt Ш.), kāst "цедить" (kāst Ш.), kaūkt (kaūkt H., Л., Э., Ш.), klēgt (klēgt Э., Ш.), kū (kū Ш.), krēpes "грива" (krēpes H., Э., Ш.), krēsla "сумерки" (krēsla H., Э., Ш.), kūsis (kūsis Ш.), lāpīt (lāpīt Э., Ш.), lēts (lēts Л., Э., Ш.), lēks (lēks Л., Э., Ш.), lēpa (lēpa H., Л., Э., Ш.), lēss (lēss Э., Ш.), lūpa (lūpa Э., Ш.), lūsis (lūsis H., lūsa Ш.), lūks "дуга" (lūks H., Л., Э., Ш.), lūks "лук" (lūks H., Л., Ш.), māsa (māsa Э., Ш.), māte (H., Л., Э., Ш.), mērkt (mērkt H., Л., Э., Ш.), mētāt (mētāt Э., Ш.), mēts (mēts Л., Э., Ш.), mēsa (mēsa Э., Ш.), mīt "толтать, мять" (mīt Л., Э., Ш.), nākt (nākt Э., Ш.), nāsis (nāsis Э., Ш.), nēks (nēks H., Л., Э., Ш.), nū (nū H., П., Э., Ш.), pēci (pēci Э., Ш.), pērkūns (pērkūns Э., Ш.), pērt (pērt H., Л., Э., Ш.), prāts (prāts Э., Ш.), pūst (pūst H., П., Э., Ш.), pūt (pūt H., П., Э., Ш.), rāt (Л., Э., Ш.), rēkt (rēkt Ш.), rēksts (rēksts Э., Ш.), rikle (rikle Э., Ш.), rūka (rūka Э., Ш.), sārts "костер" (sārts Л., Ш.), sēt (sēt Л., Э., Ш.), sēta "зabor" (sēta Э., Ш.), sēks (sēks Л., Э., Ш.), slēpt (slēpt Э., Ш.), slēt (slēt Ш.), spēks (spēks Э., Ш.), spēt (spēt Э., Ш.), strāuts (strāuts Ш.), sūkt (sūkt Л., Ш.), šķit (šķit Ш.), šūt (šūt Э., Ш.), tā "эта" (tā Л., Ш.), tā "этого" (tā Л., Э., Ш.), tārps (tārps Л., Э., Ш.), tikls (tikls Л., Э., Ш.), triiset (triiset Ш.), trīt (trīt Э., Ш.), tūkstēts (tūkstēts Ш.), ūpis (ūpis Ш.), ūtrs (ūtrs и ūtris Ш.), vākt (vākt Ш.), vārpa (vārpa Э., Ш.), vārti (vārti Э., Ш.), vērpt (vērpt Л., Э., Ш.), vērt (vērt Ш.), vētit (vētit Л., Э., Ш.), znāts (znāt Ш.), zūss (zūss Э., Ш.), zvēgt (zvēgt Э., Ш.), žūpa (žūpa Ш.).

В единичных случаях "алфавитный" и "нисходящий" тон в первом слоге простых слов является там, где из лифляндских говоров А известна долгота с полным перерывом. Напр.: dēt, но у Ш. dēt (из литературного наречия); krāpt, но у Э. и Ш. krāpt; krēpāt, но у Ш. krāpat; rēva, но у Ш. rēva; sīki, но у П. и Ш. sīks; skūpstīt, но у Ш. skūpstīt; vērgs, но у Ш. vārgs.

В новых дифтонгах и дифтонгических сочетаниях перед -s в им. пад. ед. ч. Крумберг не обозначает качество "тона", при положении этих звуковых сочетаний как в первом, так и в непервом слоге слов.

В сложных словах у Крумберга вторая часть сохраняет в первом слоге то качество долготы ("тона"), которое принадлежит ей при употреблении в отдельном слове.

В непервом слоге простых слов (как в отдельном, так и в сложении) у Крумберга обозначен по большей части "восходящий тон", т.е. тот вид долготы, который соответствует долготе с полным перерывом лифляндских говоров А, напр., в производных глагольных основах на долгую гласную и на ū, между прочим, и в положении перед j, в окончаниях возвратной формы, в окончаниях местои. пад. ед. ч. и мн. ч., в именах на -aīns, -iāba (у Шмидта -ība), -īce; в tūkstēts, yālūdze и др.

В тех, гораздо более редких, случаях, где в непервом слоге простых слов является у Крумберга "тон алфавитный и нисходящий", условия, от которых зависит различие двух этих "тонов", те же, что и при употреблении в первом слоге; т.е. "нисходящий тон" и в непервом слоге слов может существовать лишь перед глухою согласною и в конце слов, а "алфавитный" — перед звонкою согласною. Самые случаи, в которых я нахожу у Крумберга "тон алфавитный и нисходящий", в непервом слоге простых слов, следующие.

1) "Нисходящий тон" в конце слов: в дифтонгах на *i*, в окончаниях дат. пад. ед. ч. имён, напр., в *sifdei*, сравни. у Шмидта третьью долготу в этих образованиях; в долгих гласных и в *ÿ*, перед упрощением *j* с последующей краткою гласною, в глагольных окончаниях 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр., напр., в *tunà*, *ecè*, *dabù*, сравни. у Линде третью долготу в этих образованиях, у Шмидта длительную долготу (но в окончаниях местн. пад. ед. ч. Крумберг обозначает, как я говорил, "восходящий тон", напр., в местн. пад. *vara*).

2) "Нисходящий тон" перед глухою согласною и "алфавитный тон" перед звонкою согласною: "нисходящий тон дифтонга ё в именах на -nëks, -ëts, -ëtis, напр., в *irnëks*, *játnëks*, *délëts*, *meítëts*, *sëvëtis*, а также в именах на -ëtiña, *märgtëtiña*, *mögëtiña*, сравни. у Шмидта длительную долготу в именах на -nëks, -ës (см. выше); "алфавитный тон" дифтонга ё в некоторых именах на -ëns, в известной зависимости от качества "тона" в предшествующем слоге, так как после первого слога с "восходящим" тоном имена на -ëns у Крумберга представляют "восходящий тон" дифтонга ё, как показывает сопоставление слова *dräzëns*, приведённое у Крумберга без значения, от *dräst*, т.е. *dräzt*, с *dräzëns* "Hieb, Schelte", *grüdëns* "ein Stoss", *jüdzëns*, сравни. у Шмидта имена на -ëns и -ëns, хотя, как мы видели условия, от которых зависит в говоре Шмидта различие в качестве долготы дифтонга ё в этих именах не те, какие мы находим у Крумберга (в говоре Шмидта -ëns в положении после слога, имеющего долготу с полным перерывом); "нисходящий тон" дифтонга ў в причастиях наст. вр. на -ûts, напр., в *vérðûts*, сравни. у Шмидта длительную долготу ў в этих образованиях; "нисходящий" и "алфавитный тон" дифтонга ў в именах: *akûts*, сравни. *akûc* у Шмидта, *apûgs* (но у Шмидта *apûgs*), *sípûls*, сравни. *sípûls* у Шмидта; в заимствованном *käpûsts* "капуста" (но у Шмидта *käpûsc*). Нередко в дифтонгах перед согласною в непервом слоге слов качество "тона" не обозначено у Крумберга, напр., всюду в прилагательных определённых на -ajs; для дифтоналических сочетаний перед согласною в непервом слоге я не нахожу у него примеров.

К латышским говорам, различающим три вида долготы, принадлежат и те говоры, для которых определены различия трёх видов долгот на нескольких примерах у Стерсте в первой части его грамматики латышского языка, 1879⁴³г. Стерсте говорит, что рассматриваемые им виды долготы существуют в "среднем" наречии латышского языка, а от "среднего наречия" он, как, напр., и

⁴³ Sterstu Andreja Latweeschu walodas mahciba. Pirmā daja. Etimologija. Rigā un Tehrbatā.

Биленштейн (Die Lett. Spr. I, стр. 12 и след.), отличает наречие "верхней страны", в Augšzeme, и наречие так называемых Тамниаков (Tāmenēki, Tāmnēki), в части северо-западной Курляндии; принимая, однако, во внимание, что показания Стерсте относительно видов долгот не применяются ко многим говорам "среднего" наречия, описанных в этом отношении другими исследователями, о которых я говорил выше. Я замечу, что Стерсте производил наблюдения над тремя видами долготы лишь в некоторых (или в одном) из говоров "среднего" наречия, и при том, по-видимому, где то в Лифляндии⁴⁴. В долгих гласных и в дифтонгах Стерсте различает по природе те же три вида долготы (вида "количество" у Стерсте), какие определены и для говоров, называемых мною лифляндскими говорами А, т.е. долготу длительную, с ровным протяжением, долготу "нисходящую", при которой "голос убывает", и долготу "с переломом голоса внутри её", т.е. долготу с полным перерывом; при этом относительно дифтонгов Стерсте замечает, без сомнения, ошибочно, будто все они имеют краткую вторую часть. Определение, данное у Стерсте для "нисходящего количества", таково, что может применяться как к долготе простой нисходящей, так и к долготе с неполным перерывом, с двумя вершинами, а в употреблении этой долготы в примерах у Стерсте нет указаний на то, что она была простою нисходящей долготою, так как в тех случаях, где нам известны из других говоров дифтонги и дифтонгические сочетания в конце слов с простою нисходящей долготою (экспираторно-нисходящей), мы находим у Стерсте, как видим далее, не то "количество", которое он называет "нисходящим"; возможно, поэтому, что и в говоре Стерсте, как и в говорах Нейланда, Линде, Шмидта (см. выше), третья долгота, т.е. "нисходящее количество" по Стерсте, представляет собою долготу с неполным перерывом с двумя вершинами. В дифтонгических сочетаниях Стерсте на стр. 5 различает два вида по "количество", именно дифтонгические сочетания с длительно-долгою плавною или носовою согласною, т.е. с длительною долготою, и дифтонгические сочетания с краткою плавною или носовою согласною, но на стр. 69 в дифтонгических сочетаниях, не имеющих длительной долготы, различаются, в свою очередь, сочетания, имеющие "нисходящее количество", и сочетания, представляющие то "количество", которое Стерсте называет, во всяком случае неправильно, краткими; последнего рода дифтонгические сочетания соответствуют по их употреблению, как показывают примеры, тем дифтонгам, которые имеют долготу ("количество") с полным перерывом.

Различия трёх видов долготы долгих гласных у Стерсте совпадают по употреблению (насколько позволяют судить единичные примеры, указанные у Стерсте) с соответственными различиями долгих гласных в лифляндских говорах А, но в дифтонах и дифтонгических сочетаниях два вида недлительной долготы отличаются по условиям употребления от соответствующих долгот в лифляндских говорах А, и поэтому-то говор (или говоры) у Стерсте я рассматриваю отдельно от говоров, называемых мною лифляндскими говорами А. Приведу сперва

⁴⁴ Сравн. приведённое мною выше свидетельство Эндзелинса относительно того, что ему не известны из курляндских говоров третья долгота ("нисходящее произношение", по Эндзелинсу).

примеры, указанные у Стерсте для трех видов долготы долгих гласных и для длительной долготы дифтонгов и дифтонгических сочетаний, причем обозначу различия в качестве долготы теми же знаками, какие я употребляю в применении к лифляндским говорам А (у Стерсте другие знаки).

Длительная долгота в первом слоге и в словах односложных указана у Стерсте в следующих примерах: *tā* "она, та", *dēlis* "доска", *vīle* "пила", *šūt*, *vaidi*, *laūks* "поле", *beīgas*, *lēls* "большой", *ūla* "яйцо", *ruīka* (эти примеры см. стр. 4), *spaīva*, *viīna*, *spīgts*, *ruīga*, *grūm̄ba* (стр. 5), *ē-*, *pē-*, *nū-* (стр. 13.), *pār* "пере-" (стр. 35). Для всех этих случаев, за исключением *rūkūnī* (Л., Э., Ш. *rūkt*, у Ш. и *rūka* "ворчит"); и из лифляндских говоров А нам известна длительная долгота: *tā*, *dēlis* Э., Ш., *vīle*, *šūt* (см. выше), что же касается *pār* "пере-" у Стерсте, то сравн. *pār* "через" у Шмидта. Случай, в которых отмечена у Стерсте длительная долгота гласных в непервом слоге слов, представляют ту же долготу и в говоре Шмидта: окончания форм прилагательных определенных, напр., в *labā*, *labās* (стр. 26), окончания форм 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр. производных глаголов, напр., в *tu mazgā*, *viīš mazgā* (стр. 45); окончания *-āt* и *-āt* в 1 и 2 л. мн. ч. прош. вр., напр., в *mazgajām*, *mazgajāt* (стр. 45); имена существительные на *-ājs*, *-ējs* (у Ш. *-āš*, *-ēš*), в род. пад. на *-āja*, *-ēja*; имена существительные на *-ēns* (стр. 14); (у Ш. нет примеров, но и в его говоре надо ждать длительную долготу долгой гласной перед *n*); *rūkūnī* винит. пад. (стр. 69; у Ш. *ū* перед *n* словообразовательного суффикса имеет, как мы видим, длительную долготу после первого слога с полным перерывом); окончание дат. пад. мн. ч. *-ēt* (стр. 69; сравн. у Ш. в *-āt*, *-ēt*, а вместо *-ēt* у него другое окончание *-im*).

Долгота с полным перерывом в гласных первого слога и в словах односложных указана у Стерсте в следующих примерах: *tā* "так", *dēls* "сын", *vīla* "обманул", *žūt* (у Стерсте опечатка), *tālumā*. Сравн. ту же долготу в лифляндских говорах А (в соответствии с "восходящим тоном" у Крумберга): *tā* "так" Л., Э., Ш. (*tā* К.), *dēls* (см. выше), *vīlu*, *vīli*, *vīla* и *vīle* Ш., П., Л., Н. (*vīle* К.), *žūt* Л., Э., Ш. (*žūt* К.), *tāiš*, *tāis*, *tāiu* Э., Ш., П. (*tāiš*, *tāi*, *tāiu* К.). В непервом слоге слов долгота с полным перерывом в глаголах отмечена у Стерсте: в окончании 3 л. прош. вр. возвратной формы, напр., в *mazgajās* (стр. 45), сравни ту же долготу в окончаниях возвратной формы у Пелекса, Эндзелинса и Шмидта; в окончаниях местн. пад. ед. ч., напр., в *tālumā* (стр. 69), сравни. долготу с полным перерывом в этих случаях у Пелекса и восходящий тон у Крумберга (следовательно, у Стерсте, как и у Крумберга, является различие в качестве долготы гласной перед упрощением *j* в окончаниях местн. пад. ед. ч., с одной стороны, и, с другой, — в окончаниях 2 л. ед. ч. и 3 л. наст. вр. производных глаголов, напр., в формах *mazgā* (см. выше).

Для "нисходящего качества", т.е. для третьей долготы, гласных в первом слоге слов и в словах односложных у Стерсте указаны следующие примеры: *tā* род. пад. ед. ч., *mēle* "язык", *vīle* "кайма", *grūzis* "зәле". Последнее слово не известно мне из лифляндских говоров А., а в первых трёх и эти говоры имеют также

третью долготу гласной (см. выше). В непервом слоге слов третья долгота гласных не указана у Стерсте; также и у Шмидта эта долгота не встречается в непервом слоге простых слов (см. выше).

Что касается употребления дифтонгов с недлительной долготою (т.е. как с полным перерывом, так и с третьею долготою) у Стерсте, то надо заметить следующее:

- 1) дифтонги с третьею долготою во всех примерах у Стерсте находятся в положении перед звонкою согласною;
- 2) дифтонги с полным перерывом во всех примерах, кроме одного, который сам по себе был бы не ясен (именно ū̄š), являются перед глухою согласною, причём в большей части этих примеров долгота с полным перерывом произошла из третьей долготы, при данном фонетическом положении;
- 3) слово *jau* Стерсте пишет *jaw* и на стр. 69 определяет конечный звук как согласною *w(v)*, следовательно, здесь, при положении в конце слова, тот дифтонг *aī* который в говоре Шмидта имеет третью долготу (*jaū*), или, действительно, изменяется в *av*, или же звучит как экспираторно-нисходящий дифтонг, с кратким *u* (сравн. сказанное выше).

Для дифтонгов с третьею долготою ("с нисходящим качеством"), в положении, именно, как я сказал, перед звонкою согласною, Стерсте даёт следующие примеры: *gaīda*, *gaūži*, *beīdzu*, *ēla*, *ēla "acis grūza"*, *pluīnit* (стр. 4), *aīnu* (стр. 5), *aīz* (стр. 69). Те из этих слов, которые известны мне из лифляндских говоров А, представляют и здесь ту же долготу, именно: *gaūži* Э., Ш., *beīdzu*, *beīgt* Н., Л., Э., Ш., *ēla* Э., Ш., *aīnu*, *aīt* Э., Ш., *aīz* Н., Э., Ш. с *gaīda* у Стерсте, сравн. *gaīdīt* у Ш.

Долгота с полным перерывом в дифтонгах отмечена у Стерсте в следующих случаях: *gaīta*, *laūks* "имеющий лысину на голове" (о животных), *beīgt*, *ēt*, *ūlš* "zeme" (именно "известняк"), *suīka* "suīna vārds" (стр. 4), *beīgts*, *aūts* (стр. 5), *prūtu*, *jūtu* (стр. 9). Для слов *suīka*, *jūtu* у Стерсте мне не известно качество долготы из лифляндских говоров А; *ēt* имеет ту же долготу и в лифляндских говорах А (см. выше), а в прочих словах, приведённых у Стерсте, эти говоры имеют третью долготу дифтонга: *gaīta* Ш., *laūks* Н., Л., П., Ш., *ēlis* Ш. (сравн. также *ēlis* у Крумберга, с "алфавитным тоном"), *aīt* (см. выше), *prūtu* Ш.

Итак, в говоре Стерсте дифтонги с третьею долготою, сохраняя это качество долготы перед звонкими согласными, изменяются при положении перед глухими согласными в дифтонги с полным перерывом ("с переменами внутри", по определению Стерсте)⁴⁵; поэтому *ūlš* у Стерсте, при *ēlis* у Шмидта, свидетельствует, мне кажется, о том, что *l* перед глухою согласною *š* в данном говоре не сохраняет звонкого свойства, но изменяется в глухую (или полузвуконкую?) согласную. Стерсте, имея в виду такие случаи, как *aīnu*, *beīdzu* при *aūts*, *beīgts*, думает что изменение "нисходящего количества" (т.е. третьей

⁴⁵ Однородно по причинам то явление говора в Drusti, о котором я упоминал выше, именно различие в количестве, напр., между *ai* в *draūga*, в 3 моры, и *ai* в *draūgs*, т.е. в произношении *drauks*, в 2 моры по Эндзелинсу.

долготы) обуславливается здесь влиянием группы согласных в конце слова, но такое объяснение не применялось бы, напр., к *gaīta*, *prūtu* вместо *gaīta*, *prūtu*. Дифтонги с третьею долготою во всех примерах у Стерсте являются, как я говорил, в положении перед звонкою согласною; поэтому мог бы представиться вопрос, не существует ли в данном говоре изменение дифтонгов с полным перерывом в дифтонги с третьею долготою при положении перед звонкими согласными, но на основании явлений, представляемых недлительными дифтонгическими сочетаниями у Стерсте, надо думать, что дифтонги с полным перерывом сохраняются без изменения в данном говоре, между прочим, и перед звонкими согласными (хотя примеров у Стерсте, к сожалению, нет). В недлительных дифтонгических сочетаниях Стерсте различает, как я говорил, "нисходящее количество" (т.е. третью долготу), и "краткое количество"; и подобно тому как дифтонги с "нисходящим количеством", т.е. с третьею долготою, изменяют в говоре Стерсте это качество долготы при положении перед глухими согласными, так и дифтонгические сочетания с "нисходящим количеством" при положении перед глухими согласными не сохраняют это качество долготы в данном говоре, но изменяют его в тот вид долготы, который у Стерсте не определён и назван ошибочно "кратким количеством" (хотя, понятно, количество целого дифтонгического сочетания не есть краткое); то же "краткое количество" представляет у Стерсте дифтонгические сочетания перед согласными, глухими и звонкими, и в тех случаях, где им соответствуют в лифляндских говорах А дифтонгические сочетания с полным перерывом. Для дифтонгических сочетаний с "нисходящим количеством", т.е. с третьею долготою у Стерсте приведён один пример, именно *dziīd* (стр. 69), следовательно, перед звонкою согласною; та же долгота в этом слове и в лифляндских говорах А: *dziīdēt* Э., Ш.

Дифтонгические сочетания с "кратким количеством" перед согласною указаны у Стерсте в следующих случаях: *zirgs*, *pils*, *mans*, *nams* (стр. 5); *tumšt*, *kalnēm* (стр. 69). Слова *zirgs* и *kalnēm*, дат. пад. мн. ч. (в этом слове дифтонгич. сочетание перед звонкою согласною) имеют в лифляндских говорах А долготу с полным перерывом, а в прочих примерах у Стерсте дифтонгические сочетания с "кратким количеством" перед глухою согласною произошли из дифтонгических сочетаний с "нисходящим количеством", т.е. с третьею долготою: *tumšt*, сравни *tūmsa* у Эндзелинса, а в *pils*, *mans*, *nams* являются новые дифтонгические сочетания перед *s*, представляющие в лифляндских говорах А, как мы видим, третью долготу (*pīls*, *mañs*, *nañs*). "Краткое количество" находит Стерсте и в дифтонгическом сочетании в конце слова, напр., *tur* "там" (стр. 69). Надо заметить, однако, "краткое количество" дифтонгических сочетаний Стерсте не отличает от краткого количества слогов, имеющих краткую отдельную гласную, и, напр., рядом с *tumšt*, *tur* он рассматривает слоги *grī* и *ta* в слове *grīma*.

Наречие верхнелатышское, по словам Стерсте (стр. 2 и 4), отличается от среднего наречия в употреблении видов долготы ("количества"), а именно верхнелатышская длительная долгота является в тех случаях, где среднее наречие имеет как долготу с полным перерывом, так и долготу с "толчком", между тем

как в соответствии с длительной долготою среднего наречия верхнелатышское наречие представляет долготу с полным перерывом и долготу с "толчком". Но Стерсте не даёт примеров и не называет местностей (в Лифляндии? или также и в Курляндии?), в которых он производил наблюдения над видами долготы верхнелатышских говоров. По свидетельству Пелекса и Эндзелинса, в восточной Лифляндии, напр., в Cēsvaine, Bērzūne (по Пелексу и Эндзелинсу), Vestēna, Vētalva, Landūna (по Эндзелинсу), следовательно в области верхнелатышского наречия существуют говоры, имеющие два вида долготы: долготу длительную и долготу с "толчком", по определению Пелекса; "исходящее произношение", по Эндзелинсу, т.е. долготу, соответствующую по природе третьей долготе лифляндских говоров A. Пелекс заключает, что в этих восточнолифляндских говорах в тех случаях, где более западные говоры, называемые мною говорами A, имеют долготу с полным перерывом, является длительная долгота (сравн. Стерсте), хотя и не такая долгая, как в лифляндских говорах A; в соответствии с длительной долготою лифляндских говоров A эти восточнолифляндские говоры имеют долготу с "толчком", хотя и не с таким сильным, как в лифляндских говорах A; наконец, долгота с "толчком" лифляндских говоров A в этих восточнолифляндских говорах или сохраняется, или изменяется в длительную долготу. Примеров у Пелекса нет. Согласно с Пелексом (сравн. того же Стерсте), и Эндзелинс, который также не даёт примеров, указывает на то, что вместо "произношения" с полным перерывом других лифляндских говоров, называемых мною говорами A, в этих восточнолифляндских говорах является "длительное" произношение ("seviški", "преимущественно").

В заключении этого обзора тех различий в видах долготы, какие описаны пока для различных латышских говоров, приведу сообщённое мною г. Вельмом наблюдение его над одним из говоров северной Лифляндии.

"В Руенском приходе (Rūjene), в Лифляндии, латышский язык имеет долгие гласные и дифтонги только в корневых слогах⁴⁶. Во всех суффиксах и окончаниях долгие гласные и дифтонги, за исключением *ai*, сокращаются на одну мору, так что стали краткими гласными, а старые краткие гласные вполне исчезли; при этом *ū* обратилось в *u*, а *i*⁴⁷ — в *e*, напр., местн. пад. мн. ч. *tīrumus* вместо *tīrumūs*, *mazgates* вместо *mazgātis*, *meits* вместо *meitas*, имён, и винит. пад. мн. ч. Что касается различий в качестве тона, то в дифтонгах различаются три качества. Существуют дифтонги с долгою второю частью и дифтонги с краткою второю частью, а в последних может являться перерыв выдыхаемого воздуха между обеими частями дифтонга; это бывает, однако, лишь в том случае, когда следует звонкая согласная, между тем как перед глухою согласною нет перерыва. В долгих гласных я не мог заметить последнего качества тона. Напр., *māizi*, вин. пад. ед. ч. от *māize*, и *maisi*, имен. пад. мн. ч. от *maiss*.

(Окончание следует*)

⁴⁶ И, конечно, также в приставках, т.е. вообще под главным ударением.

⁴⁷ Т.е., в моём написании, ē.

* Komentarus ir pastabas numatoma spausdinti visos publikacijos pabaigoje.